

Николай Николаевич Крадин¹ (kradin@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА

Современные теории происхождения государства отличаются от классических. Во-первых, было установлено, что на политическую централизацию влияло множество причин. Во-вторых, государство стало результатом действия двух взаимосвязанных процессов — консолидации общества (интегративная, или функционалистская, теория) и регулирования структурных столкновений в нём (теория конфликтов). В-третьих, социальная сложность не всегда связана только с формированием государственности; нередко многолинейные процессы социальной трансформации приводили к появлению альтернативных государству систем. На Дальнем Востоке внешнее влияние китайских династий и маньчжурско-корейской полупериферии носило стимулирующий характер, ускоряло процессы экономической и культурной экспансии, политической и этнической консолидации предгосударственных обществ. Бохайское королевство было типичным ранним государством. С созданием династий киданей и чжурчжэней сформировалась двойная система управления, в которой северная администрация занимала более высокое положение, а также контролировала завоеватель. Южная администрация копировала бюрократическую систему Китая и контролировала сельскохозяйственные территории. С расширением границ империи за счёт включения новых областей Китая развивался процесс аккультурации завоевателей, всё больше и больше терявших связь с маньчжурскими традициями. Кидани и чжурчжэни постепенно превращались в типичную китайскую династию.

Ключевые слова: политогенез, государство, Бохай, кидани, чжурчжэни.

Nikolay N. Kradin¹ (kradin@mail.ru)

THE FEATURES AND MECHANISMS OF STATE ORIGINS IN FAR EAST

The contemporary theories of the state formation differ from the classical theories. First, it was ascertained that there are many reasons which had influence on the political centralization. Second, the state was result by two interrelated processes — consolidation of the society (integrative or functionalist theory) and

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

regulating of structural clash in the society (conflict theory). Thirdly, the societal complexity is not always related to the formation of statehood only. It was result of multilinear processes of social transformation as into the state, as alternative to the state. In Far East external influence of the Chinese dynasties and Manchurian-Korean semi-periphery was of stimulatory nature, accelerated the processes of economic and cultural expansion, political and ethnic consolidation of the pre-state societies. The Bohai kingdom was typical early state. With the establishment of Khitan and Jurchen dynasties, a dual system of management has formed in which the North administration has occupied a higher position as well as controlled of conquerors people. The South administration has copied the bureaucratic system of China and controlled the settled-agricultural territories. With the empire territory expansion due to inclusion of new agricultural areas of China, a process of acculturation of the conquerors has developed. They had more and more lost the contact with the Manchurian traditions. The Khitan and Jurchen gradually were transformed into a typical Chinese dynasty.

Keywords: state origins, politogenesis, early state, Bohai, Khitan, Jurchen.

Термин «политогенез» употребляется в литературе в трёх смыслах: 1) происхождение государства; 2) формирование и эволюция сложных или комплексных обществ и их политической организации; 3) генезис и последующая трансформация политической организации в человеческом обществе в целом (Крадин 2004). Последнее значение слишком широко, его анализ не входит в задачи данной работы. Здесь будут рассмотрены в основном вопросы происхождения государственности и лишь в некоторой степени, применительно к мохэской общности, будут затронуты проблемы формирования комплексных предгосударственных обществ.

Временные рамки работы — эпоха средневековья. Термин «средневековье» используется в настоящей статье только в хронологическом значении, для обозначения периода между V—XV вв., без привязки к той или иной форме общественного устройства. На данный момент очевидно, что V в. был важен только для истории Западной Европы, тогда как в других частях мира никаких судьбоносных изменений в этот отрезок времени, строго говоря, не произошло. С «верхней» датой сложнее, так как она соприкасается с так называемым длинным XVI веком, когда начинает складываться единая капиталистическая мир-система и история по-настоящему становится всемирной.

Тем не менее в отдельных случаях использование термина «средневековье» удобно и иногда даже оправданно, поскольку хронологические рамки данного периода могут «захватывать» важные изменения в истории конкретного региона. В частности, это утверждение справедливо применимо к дальневосточному региону, где рубеж древности и средневековья примерно совпал с формированием тунгусо-маньчжурской мохэской общности, а его окончание пришлось на время упадка и гибели самостоятельной государственности после эпохи монгольских завоеваний.

В настоящей статье рассматривается специфика политогенеза на территории российского Дальнего Востока и в смежных зонах Северо-Восточного Китая (Маньчжурии, а также отчасти Внутренней Монголии и Корейского полуострова). Все возникшие в этом ареале государственные образования относятся к так называемым вторичным ранним государствам (Fried 1967: 240—242), т.е. возникшим по соседству и под определённым влиянием уже сложившихся цивилизационных центров (в данном случае Китая).

Объектом исследования избраны средневековые государства региона (Бохай, 698—926; Ляо, 907—1125; Цзинь, 1115—1234), которые были созданы на периферии китайской, или восточноазиатской, мир-системы. Они существовали географически близко; при этом центры политогенеза бохайского и чжурчжэньского государств находились в природной зоне лесов и тайги Дальнего Востока, тогда как ареалы этнополитической активности киданей локализовались в степи (ближе к границе степи и леса).

Названные государства возникали в прямой хронологической последовательности, сменяя и перекрывая друг друга по «принципу домино»: каждое последующее завоёвывало предыдущее (на основе данного принципа к указанным выше государствам нужно добавить монголов и с оговоркой маньчжуров). По всей видимости, это может быть объяснено закономерностью, сформулированной в рамках теории «окраинного преимущества» Р. Коллинза, согласно которой находящееся на периферии общество имеет определённые стратегические предпочтения, позволяющие ему создать мощную военную силу и завоевать или разгромить Хартленд. С течением времени запас преимуществ оказывается растерянным, и империя становится добычей в руках нового периферийного гегемона (Коллинз 2001). Названные принципы полностью применимы к рассматриваемым в работе дальневосточным государствам.

Настоящая публикация суммирует разработку данной темы, которая была начата автором несколько десятилетий назад, и подводит определённые итоги (Крадин 1989, 1996, 2005, 2010, 2013, 2014 и др.). По этой причине ряд положений и выводов приходится повторить. Дальнейшие перспективы разработки проблематики могут быть связаны с введением в научный оборот и анализом информации, которая находится в многотомных исторических хрониках, посвящённых киданям и чжурчжэням, а также с исследованием и интерпретацией археологических источников. В этой связи нужно заметить, что использование последних для изучения проблем политогенеза (это справедливо не только в отношении дальневосточных обществ) имеет огромные перспективы. Во-первых, поскольку только археология занимается дописьменными обществами, никакая из других наук не в состоянии исследовать и осмыслить процесс становления комплексных и раннегосударственных обществ до появления нарративных источников. Во-вторых, в настоящее время, вероятно, практически все письменные и этнографические источники, касающиеся политогенеза, уже введены в научный оборот. Возможно только их переосмысление и новые интерпретации. Археологические же источники непрерывно пополняются, постоянно

совершенствуются методы получения информации из археологических материалов и появляются новые данные о тех или иных сторонах жизнедеятельности прошлых обществ. Внедрение в современную археологию естественно-научных методов даёт нам принципиально новые сведения. Генетика, стабильные изотопы, изучение изменений климата открывают нам совершенно иные данные, которые не могли быть получены традиционными способами исследования. Именно здесь совершается наибольшее число открытий, которые, возможно, окажут влияние на смену исторической парадигмы (Kristiansen 2012: 78). Всё это придаёт археологическим исследованиям новые импульсы и позволяет надеяться не только на пополнение фактологической базы в будущем, но и на новые принципиально важные обобщения.

ОБЩИЕ КОНТУРЫ ПРОБЛЕМАТИКИ

Возникновение государственности — одна из самых значимых вех в мировой истории и одновременно вечный вопрос наук о человеке и обществе. На этот счёт было высказано громадное количество самых разнообразных точек зрения, на эту тему написаны сотни книг и многие тысячи статей. Раньше всех появились так называемые умозрительные теории, основанные на спекулятивных построениях мыслителей. Первая — «сакральная» — предполагала, что вся власть от Бога, вторая — «патриархальная» — исходила из того, что государство подобно разросшейся семье. В эпоху Нового времени появились теории «общественного договора» Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, согласно которым государство возникает как продукт внутреннего соглашения между людьми, передающими часть своей свободы и власть внешней силе, чтобы обеспечить общественный порядок и неприкосновенность собственности. Все эти точки зрения основаны не на исторических фактах, а на философских и иных умозаключениях. Современная наука отвергает их как устаревшие.

Первой подлинно научной стала «завоевательная» теория политогенеза. Она появилась в XIX в. и связывается с именами историков права Л. Гумпловича и Ф. Оппенгеймера (Gumplowicz 1905; Oppenheimer 1919), полагавших, что первые государства возникли в результате *внешнего* фактора — завоевания воинственными кочевниками или викингами земледельческих обществ и установления победителями эксплуатации подчинённых. Эта теория была поддержана некоторыми этнологами и теоретиками марксизма за рубежом (Cunov 1920; Kautsky 1927; Turnwald 1935). Её обстоятельная критика принадлежит американскому этнологу Р. Лоуи. В книге «Происхождение государства» он показал, что завоевание далеко не всегда ведёт к становлению государственности: для этого нужно, чтобы общества покорителей и побеждённых обладали некоторой стратификацией. Следовательно, война не может быть единственной предпосылкой для возникновения государства (Lowie 1927).

Без преувеличения можно сказать, что начиная со второй половины XIX в. важный вклад в разработку данной темы внесли марксистские теоретики,

рассматривавшие государство в качестве важнейшего орудия эксплуататорских классов, которому нужно было дать правильную оценку. Согласно марксистскому учению государство представляет собой политическую машину для подавления господствующими классами трудящихся масс. Эта мысль присутствует уже в «Манифесте коммунистической партии» 1848 г. Позднее К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули две основные модели взрывания государства. В «Экономических рукописях 1857—1861 гг.» К. Маркса и в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса возникновение государства и классов описывается как процесс постепенной узурпации вождями своих управленческих функций, превращения первоначальных «слуг народа» в «господ над ним» (Marx 1964). Однако в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (Engels 1884) Энгельс, не без влияния книги «Древнее общество» Л. Моргана (Morgan 1877), нарисовал иную картину политогенеза: развитие экономики приводит к росту прибавочного продукта, появлению имущественного и классового неравенства. Господствующие классы для охраны своей собственности изобретают государство, сначала рабовладельческое, затем феодальное (подробнее об этой загадке см.: Лынша 1995).

Последняя точка зрения получила наибольшее распространение в советской науке: фактически все работы, касающиеся теории государства и права, теории становления государственности, а также конкретно-исторические исследования, выполненные на материалах отдельных обществ, длительное время рассматривались исключительно в рамках парадигмы, изложенной в «Происхождении семьи...». Только в период «оттепели», в первую очередь в рамках дискуссии об азиатском способе производства, появились новые интерпретации, которые акцентировали внимание на организационно-управленческих функциях государства, проблемах соотношения власти и собственности, стимулировали исследования в области многовариантности форм перехода к государственности (Tökei 1966; Данилова 1968; Godelier 1969; Хазанов 1979; Васильев 1983; Илюшечкин 1986, 1990; Иванов 1993 и др.).

Надо сказать, что марксизм оказал серьёзное влияние на большинство авторитетных теорий происхождения государства в XX в. Так, К. Виттфогелем была выдвинута ирригационная теория политогенеза, согласно которой первоначальная государственность и развитие власти оказывались напрямую связанными с необходимостью строительства для общества крупномасштабных оросительных сооружений (Wittfogel 1957). Г. Чайлд — создатель теории «городской революции» (Childe 1950) — считал себя марксистом, а едва ли не все значимые процессуалистские работы в области археологических реконструкций комплексных обществ были написаны под его прямым или косвенным влиянием. Антропологи-неоэволюционисты второй волны, создавшие наиболее авторитетные теории политогенеза — Э. Сервис и М. Фрид, — симпатизировали марксизму и троцкизму (Fried 1967; Service 1975). Некоторые марксистские идеи нашли отражение в теории «раннего государства» Х. Дж. М. Классена и П. Скальника (Claessen, Skalnik 1978, 1981).

С началом перестройки в отечественной литературе наметился отход от марксистских универсалий. Определённое распространение получили неозолюционистские теории вождества и раннего государства, а также мир-системный анализ и другие парадигмы. Российские учёные самостоятельно пришли к идее многолинейной эволюции (подробнее см.: Крадин 2008). Однако иногда даже в современных исследованиях прослеживается сильное влияние старых теорий. Это, в частности, выражается в использовании давно устаревшей концепции «военной демократии», в применении Энгельсовой «триады» признаков государства, в понимании государства исключительно как института подавления народных масс и др.

В зарубежной науке с начала 1990-х гг. и особенно в новом столетии однолинейные теории происхождения государства стали подвергаться критике. Больше всего нападков испытала концепция «вождества» (Yoffee 2005; Pauketat 2007). Критика была положительно воспринята в англо-американской археологии. Постепенно преобладающей парадигмой в антропологии и отчасти в археологии стал постмодернизм. Это привело к тому, что демонстрировать свою приверженность идеям эволюционизма стало неполиткорректным. Образно говоря, подобно белым гетеросексуальным мужчинам в современном западном обществе, эволюционисты стали отвергаемыми маргиналами в современной зарубежной науке. Как следствие, наиболее влиятельные книги последнего десятилетия с использованием эволюционистской парадигмы оказались написанными не антропологами, а биологом — Дж. Даймондом (Даймонд 2009, 2016). Тем не менее есть определённые результаты и достижения, о которых следует сказать несколько подробнее.

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА

В настоящее время теоретическое осмысление процессов происхождения государственности подошло к некоторому рубежу. Сравнительно-исторические исследования последних десятилетий показали, что процесс политогенеза — сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народонаселения, технологические инновации, война, идеология и др.), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия и др.) факторами (Peregrine et al. 2007: 84). В то же время ни один из них не является универсальным. Как весьма справедливо заметил по данному поводу Дж. Хаас, многие из теорий адекватно объясняют возникновение государственности применительно лишь к случаям, которые служат иллюстрациями для подтверждения тех или иных взглядов (Haas 1982: 130).

При этом сущность становления государственности отражается в двух дополняющих друг друга подходах: функциональном и конфликтном. Один из главных идеологов функционалистской версии политогенеза Э. Сервис рассматривал создание государства с точки зрения «выгоды», которое оно

несёт своим гражданам. Исследователь признавал, что подданным приходится платить определённую «цену» управителям за то, что они выполняют свои организационные обязанности. Однако Сервис отказывался видеть в этой «цене» эксплуатацию, полагая, что выгоды от объединения усилий очевидны и превышают плату за услуги. Он мотивировал свою точку зрения тем, что ему не известны случаи восстаний в ранних государствах (Service 1975). Данные аргументы нашли развитие в концепции «взаимной эксплуатации», согласно которой в раннем государстве складывается религиозно-идеологическая доктрина обоюдного обмена услугами между производящими массами и правящей элитой. Первые обязуются исправно платить налоги и исполнять повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями (Claessen, Skalnik 1978, 1981).

Конфликтный подход предполагает рассмотрение государства как политической организации, предназначенной для решения внутренних и внешних конфликтов и упорядочивания структуры общества на принципиально новом уровне интеграции. Одни исследователи акцентировали внимание на насильственном, военном решении экономических проблем (Carneiro 1970); другие указывали, что в результате неравного доступа к ресурсам назревают конфликты, которые предотвращаются методами физического и идеологического контроля (Earle 1997); третьи (марксистские авторы) фокусировались на том, что государство является институтом эксплуататорского, классового общества (Fried 1967).

В настоящее время мало кто из исследователей готов безоговорочно принять ту или иную сторону. Всем очевидно, что это крайние полюса единого процесса. В реальности и интеграция, и конфликт одновременно присутствуют в природе государства. Государственность действительно выполняет важные социальные функции (защищает жителей от внешних врагов, преступников, выполняет организационные функции и т.д.). В то же самое время носители власти имеют расширенный доступ к ресурсам и различным благам, а подданные вынуждены соглашаться со своим более низким статусом. Государство амбивалентно. Оно одновременно и помогает, и наказывает. В политике диалектически сосуществуют и переплетаются обе стороны власти — функциональная, интегрирующая и эксплуататорская, конфликтная (Mann 1986: 6). Из этого проистекают ключевые вопросы, которыми задавались многие антропологи и археологи: как меньшинство достигает контроля над большинством и как оно умудряется поддерживать статус-кво (Feinman 1995; Earle 1997; Haas 2001; Flannery, Marcus 2012)?

Можно говорить, наверное, о трёх ключевых каналах достижения власти: *экономика, война и идеология*. Экономическая власть основана на контроле над основными секторами экономики и ресурсами, а также на доступе к перераспределению последних. Т. Эрл предлагает выделять *основные финансы* и финансы *богатства* (Earle 2002: 192—194). В первом случае имеется в виду контроль над реальными секторами экономики и их продуктами

деятельности: производством пищи, специализированным ремеслом, общественными работами и др. Во втором подразумевается совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Поэтому здесь речь должна идти о поддержке ремесленников, производивших престижно значимые для статуса товары (Brumfiel, Earle 1987) или о контроле над внешней торговлей (Ekholm 1977; Sáenz 1991).

Военный фактор проявляется, прежде всего, в наличии у лидера вооружённых и, как правило, хорошо обученных сторонников, которые могут оказать помощь в борьбе против конкурентов. Помимо этого, война предполагает возможность завоевания и порабощения или запугивания с целью гарантировать поддержку и защиту простым массам.

Идеология подразумевает обеспечение доминирования через культурно значимые для общества символы. Она имеет очень важное значение для интеграции группы. Коллективные ценности реализуются в рамках каждодневных действий (*габитус*), а также посредством публичных ритуалов и церемоний, совместных трапез и праздников. Как очень точно подметил М. Манн, успешная идеология предполагает взгляд, делающий боль жизни и неравенство более терпимыми (Mann 1986: 23). Важную роль в этой связи играют различные дарообменные механизмы, которые камуфлируют реальную иерархию «идеологическими одеждами», создают иллюзию общественной гармонии между подданными и правителями. Светская, военная и сакральная власть могла быть как разделена между различными группами элиты, так и интегрирована в той или иной комбинации.

ПУТИ К ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Судя по всему, генеральная линия происхождения государства осуществлялась через монополизацию правящими группами ключевых административных должностей. При этом можно выделить несколько этапов политогенеза в доиндустриальных обществах:

1. Предгосударственное общество, в котором большинство населения уже отстранено от управления социумом («дофеодальное общество», «предклассовое общество», «протогосударство-чифдом», «вождество», «аналоги государства» и др.).
2. Раннее государство с зачатками аппарата власти, но не знающее частной собственности («раннеклассовое общество», «раннефеодальное», «архаическое», «варварское» или «сословное» государство и пр.).
3. Сложившееся доиндустриальное государство, знакомое с частной собственностью («традиционное государство», «зрелое государство», «аграрное государство», «сословно-классовое общество», «доиндустриальное государство», «развитое государство» и т.д.) (Claessen, Skalnik 1978, 1981; Gellner 1988; Johnson, Earle 2000; Гринин 2007; Grinin 2008, 2009 и др.).

Ключевым вопросом здесь являются критерии, которые отличают предгосударственные общества от государства. Традиционно принято выделять три главных признака государства: территориальное деление, налоги и формирование особого аппарата управления. Эта «триада» происходит из концепции суверенитета, появившейся в Европе в Новое время, и до сих пор считается классической в политической и юридической науках. Однако если посмотреть вглубь времён, то выяснится, что население, территория и независимость — это черты любого самостоятельного коллектива, в том числе и первобытного. Любая группа охотников, собирателей или община представляет собой *население*, которое проживает на определённой *территории*, контролирует её и защищает от непрошенных чужаков. Если вспомнить ещё один часто упоминаемый признак — политический *суверенитет*, — то любое вождество можно отнести к независимым политическим единицам.

Исследования антропологов показали, что многие уже сформировавшиеся доиндустриальные государства (например, в Африке) оставались основанными на родоплеменном делении. Граница между редистрибуцией и налогами очень условна. Наконец, не всегда можно провести грань между зачаточными органами управления в вождестве и ранней формой государства (Куббель 1988). Из вышеперечисленных черт только один признак может служить настоящим признаком государства — это наличие институтов управления.

При этом важно иметь в виду, что лиц, занятых управлением, можно разделить на: 1) общих функционеров, деятельность которых может охватывать несколько видов занятий; 2) специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления; 3) неформальных лиц, чья профессия напрямую не связана с управлением, однако они в силу своего статуса или иных причин могут оказывать влияние на принятие решений (родственники, придворные, священники и т.д.). Поскольку общие функционеры и неформальные лица могут существовать не только в ранних государствах, но, например, и в вождествах, критерием государственности может служить исключительно категория *специальных функционеров*. Возможно, это единственный универсальный признак государственного общества. С предельной лаконичностью суть данного утверждения выразил Карл Виттфогель: государство — это управление профессионалов (Wittfogel 1957: 239). Схожее понимание государства дано также Э.Геллнером (Gellner 1983: 4).

Кроме того, мы можем говорить о государстве как об организации только в том случае, если оно состоит из *большого количества* людей. Государство — это не отдельные лица, занимающиеся управленческой деятельностью, а аппарат управления, т.е. совокупность определённых организаций и учреждений. Данные учреждения имеют внутреннюю структуру и состоят из определённого количества сотрудников, получающих вознаграждение за выполнение специальных обязанностей и имеющих схожие системы

ценностей и установок (*забитус*). Структура может быть разделена на специализированные подразделения или ведомства (министерства, канцелярии и т.д.) или в принципе не быть институализированной и находиться при дворе, резиденции или ставке правителя.

В данном случае речь должна идти о сформировавшейся государственности, т.е. таком аппарате управления, который уже приобрёл институализированные черты. Однако такие феномены, как государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность возникают в процессе длительной эволюции. По этой причине ряд исследователей в разных странах, возможно даже, независимо друг от друга пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Ключевое место в этом ряду занимает такая форма политической организации, как раннее государство.

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политантрополога Хенри Дж.М. Классена и его школы. Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе «Раннее государство», изданном под его редакцией совместно с чешским антропологом-африканистом П. Скальником (Claessen, Skalnik 1978), и впоследствии углублены и развиты в целом ряде специальных тематических изданий. В 2008 г. журнал «Социальная эволюция и история» (№ 1) организовал специальную дискуссию, посвящённую состоянию теории раннего государства, и приурочил её к тридцатилетию выхода названной выше книги (Claessen 2008; Claessen et al. 2008). Роль данной теории в современной археологической и антропологической науке показана в обстоятельной обзорной статье П. Скальника (Skalnik 2009).

В настоящее время раннее государство понимается как «независимая трёхуровневая (национальный, региональный, локальный уровни) социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном, стратифицированном обществе, разделённом как минимум на две основные страты или зарождающихся общественных класса — правителей и управляемых, — чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и обязательством платить налоги вторых, что узаконено общей идеологией, базисным принципом которой является взаимный обмен» (Claessen 2008: 13). Именно на этой стадии появляются такие важные признаки, как специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др. (Bondarenko, Korotayev 2003).

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персона сакрализованного правителя являлась фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») выступал «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, стабильность и процветание обществу, объединял посредством

дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти на стадии уже сложившегося доиндустриального государства отпадала необходимость в данных функциях «священного царя» (Claessen 1986).

Представление о стадиях вызревания обществ с государственной организацией было дополнено билинейными и многолинейными теориями, многие из которых говорят о двух полюсах (стратегиях) эволюции, наблюдаемых в разных обществах.

Иерархическая, или *сетевая*, стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для неё характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре.

Для *гетерархической*, или *корпоративной*, стратегии характерны большее распределение богатства и власти, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества, направленные на достижение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчёркивает стандартизированный образ жизни.

Данный подход примерно в одно время, но в разной терминологии разрабатывался на материалах Ближнего Востока, Средней и Внутренней Азии, Кавказа, Западной Европы и Нового Света (Берёзкин 1995; Коротаев 1995; Crumley 1995, 2001; Blanton et al. 1996; Бондаренко, Коротаев 1999, 2002; Берент 2000; Ковалевски 2000; Feinman 2001; Bondarenko 2006; Гринин 2007; Price, Feinman 2010; Chacon, Mendoza 2017 и др.). Всё это позволяет сделать *вывод*, что параллельно с созданием *иерархических* обществ (вожеств и государств) существует и другая линия социальной эволюции — *неиерархические* общества. Следовательно, социальная эволюция является *многолинейной*.

При этом по мере накопления и интерпретации фактического материала становится очевидным большое разнообразие политических систем, которые могли возникать в однотипных экологических условиях (Берёзкин 2013). На одном полюсе — сложные общества без ярко выраженной иерархической структуры, на другом — классические вожества разной степени сложности и ранние государства. Между ними располагается немалое число промежуточных форм с различной экономической базой, политической организацией, идеологическими институтами. Поэтому в настоящее время исследователи склонны использовать более нейтральные термины: *среднемасштабное общество*, *комплексное (сложное) общество* и т.д. (Chapman 2003, 2008 etc.).

Принципиально важной для понимания процесса формирования государственности стала знаковая статья Г. Чайлда о «городской революции». Он выделил список из 10 признаков стадии *цивилизации*: появление

городских центров; возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и пр.) и живущих в городах; значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений; обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации; появление письменности и зачатков математики; развитие изысканного художественного стиля; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов или дани (Childe 1950).

Данная статья стала самой цитируемой из когда-либо опубликованных в журнале «*Town Planning Review*». При этом для самого Чайлда город был только одним из компонентов широкого комплекса общественных изменений, который обычно характеризуется как процесс становления цивилизации или образование государства с определённым акцентом на археологические свидетельства. На самом деле Чайлд имел в виду не столько урбанизационные процессы сами по себе, сколько процесс формирования классов и государства (Smith 2003: 187). В этой связи нельзя не согласиться с мнением, что модель «городской революции» и выделенные признаки «цивилизации» оказали огромное влияние на все последующие дискуссии о происхождении государства (Smith 2009: 22).

Статья положила начало и бесконечной дискуссии о его критериях. В разных работах отмечалось, что немало ранних государств Африки не знали письменности, однако известны безгосударственные общества, имевшие письменность. Социальная стратификация, фиксируемая в погребальном обряде, монументальные сооружения характерны как для государств, так и для вождеств. Едва ли можно точно определить по уровню развития ремесла, торговли или числу уровней иерархии, является данное общество вождеством или государством. В целом список Чайлда неоднократно уточнялся и пересматривался. Существует много авторитетных работ, в которых перечисляется широкий набор признаков цивилизации (Adams 1966; Renfrew 1972; Haas 1982; Feinman, Marcus 1998; Flannery 1998; Maisels 1999; Smith 2003; Flannery, Marcus 2012).

При этом нужно признать, что такие признаки, как *город, монументальная архитектура, высокоразвитое ремесло, стратификация погребений*, встречаются чаще, чем другие. Это, конечно, не говорит о том, что остальные критерии ошибочны. С одной стороны, исследователи руководствуются при составлении списка признаков определённой традицией, идущей от Чайлда. С другой стороны, в той или иной степени каждый опирается на свой конкретный материал и опыт того региона, который ему знаком лучше всего. Так или иначе, универсальных критериев комплексных обществ уровня государства, по всей видимости, нет. Археологам, специализирующимся на археологии политогенеза, следовало бы говорить о масштабном, сложном и разнообразном процессе формирования комплексных обществ, который сильно варьировал от региона к региону.

РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО: БОХАЙ (698—926)

В середине I тыс. н.э. на территории Приморья, Приамурья и смежных зонах Маньчжурии проживали мохэ, которые традиционно относятся к тунгусо-маньчжурским народам. Согласно летописям, выделяется семь наиболее известных и влиятельных мохэских объединений (кит. *булэй*), занимавших территорию от долины р. Сунгари на юго-западе до низовьев Амура на северо-востоке. В классическом переводе Н.Я. Бичурина это звучит так: «Первое называется *Лимо*, смежное с Гаоли; оно имеет 7000 строевого войска по большей части из храбрых ратников, и часто производит набеги на Гаоли. Второе поколение называется *Боду*; обитает от Лимо на север; имеет 7000 строевого войска. Третье называется *Ангюйгу*; обитает от Боду на северо-восток. Четвёртое называется *Фонйе*; обитает от Боду на восток. Пятое поколение называется (*Хао*) *Ши*; обитает от Фонйе на восток. Шестое поколение называется *Хэй-шуй-бу*, *Черноречным*; обитает от Ангюйгу на северо-запад. Седьмое называется поколением Белых гор, *Белогорным*, *Бай-шань-бу* обитает от Лимо на юго-восток; строевого войска имеет не более 3000 человек» (Бичурин 1950: 69—70, 91—92).

Каждое из *булэй* возглавлялось вождём, занимало относительно большую территорию, но отличалось количеством выставляемых воинов (Бичурин 1950: 69—70, 91—92; Ивлиев 2005: 449—450; Полутов 2014: 219). Помимо них известны более мелкие владения мохэ (кит. *бу*, традиционно переводимое как «племя»). Скорее всего, *бу* могли соответствовать вождествам, а *булэй* — сложным вождествам. Это подтверждается как данными археологии (Крадин 2000), так и письменными источниками, согласно которым у мохэ существовали имущественное неравенство и категории неполноправных социальных групп (Шавкунов 1968: 35, 37). При этом в летописях сообщается, что «каждый город и селение имеют своего старейшину, независимого от других» (Бичурин 1950: 69; Reckel 1995: 18).

Интересно, что четыре из семи вышеперечисленных этнонимов соотносятся с географическими названиями того времени. Термин *сумо* происходит от названия р. Сумошу (Сунгари), *аньчуху* — от Ашихэ (приток Сунгари), Хэйшуй (Чёрная река) или Хэйлуңцзян (река Чёрного дракона) — это Амур, его течение ниже Сунгари, а *байшань* производно от наименования так называемых Белых гор — Чанбошань или Чанбайшан.

Наиболее значимыми и сыгравшими важную роль в истории были два формирования. Во-первых, *сумо* мохэ, которые проживали на крайнем юго-западе территории расселения мохэсцев, в верховьях р. Сунгари. Они через несколько веков стали основой государства Бохай. Во-вторых, самые крупные *хэйшуй* мохэ, которые занимали северо-восток, долины нижнего течения Сунгари, Уссури и Амура. Они дали основу для формирования чжурчжэньской государственности.

В VII в. *сумо* мохэ подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это привело к консолидации и созданию у них в середине VII в.

крупного объединения с централизованной властью, названного в тюркских эпитафиях «боклийским каганатом» (Крадин 2005). В 698 г. были провозглашены королевство Бохай (до 713 г. называлось Чжэнь) и первый его правитель (*ван*) Да Цзожун (Шавкунов 1968).

Бохай включал восточную Маньчжурию, часть Северной Кореи и юго-западные территории Приморья. В период расцвета государство было разделено на 5 столиц, 15 областей, 62 округа, 125 уездов (Reckel 1995: 62—65; Ивлиев 2005: 459—466). Апогеем могущества Бохая стало правление Да Циньмао (737—793), который за свой вклад в развитие образования и культуры в стране получил посмертное имя «Просвещённый». В годы его царствования была сформирована также система государственных институтов. В «Синь тан шу», в разделе «Повествование о Бохаете», дано подробное описание аппарата управления (Цзинь Юйфу 1982: 9; Ван Чэнли 1984: 105—109; Reckel 1998: 63—64). Высшими органами в стране были три *шэна* (палаты). Палата Сюаньчжаошэн являлась чем-то наподобие госсовета. Её возглавлял левый *сян*. Палата Чжунтайшэн выполняла функции государственной канцелярии. Она подчинялась правому *сяну*. Палата Чжэнтаншэн представляла собой правительство и состояла из шести ведомств и делилась на левую и правую половины (*люсы*). Данное деление было заимствовано из танской бюрократической системы (Попова 1999), но его истоки уходят в степные древнетюркские традиции. Палатой руководил *данэйсян*, ему были подчинены остальные *сяны*. Ведомства или министерства (*бу*) возглавлялись *цинами*, они фактически являлись министрами.

Названия министерств не отражают их функций. Левая половина состояла из ведомств Верности (*чжунбу*), Гуманности (*жэньбу*) и Справедливости (*ибу*). Правая включала министерства Премудрости (*чжибу*), Этикета (*либу*) и Честности (*синьбу*). При этом ведомство Верности занималось отбором, назначениями и ротацией чиновников. Ведомство Гуманности собирало налоги и отвечало за финансы. Ведомство Справедливости следило за проведением государственных ритуалов и жертвоприношений. Министерство Премудрости выполняло военные функции, министерство Этикета — судебные обязанности, а министерство Честности занималось общественными работами. Помимо 3 палат имелось ещё 9 институтов (*сы*), которые по функциям отчасти пересекались с министерствами. Они отвечали за обслуживание двора и гарема, подготовку поздравлений, проведение церемоний и ритуалов, приём посольств, подсчёт запасов хлеба и охрану королевских кладовых и др. Существовала также конфуцианская школа для детей аристократии.

Китайские источники сообщают и о системе рангов чиновников, которым предписывалось носить одежду соответствующего цвета и знаки отличия. Так, у представителей высших трёх рангов были фиолетовая одежда, дощечки для записи указаний из слоновой кости и золотые бирки в виде рыб-бок. Чиновники четвёртого и пятого рангов носили тёмно-красную одежду, имели дощечки из слоновой кости и серебряные бирки-рыбки. У чиновников шестого-седьмого рангов одежда была светло-красная, у чиновников

восьмого ранга — зелёная. Все они имели деревянные дощечки для записи указаний (Цзинь Юйфу 1982: 9; Reckel 1998: 64—65).

В целом государственный аппарат Бохая во многом копировал устройство государственного аппарата Танской империи (Попова 1999). Однако при этом ведомства имели собственные названия и отличия, что было обусловлено, по мнению Сон Ки Хо, двойственным положением Бохая (Song Ki-ho 1990, 1990a, 1999). С одной стороны, бохайцы демонстрировали вассальный статус в отношениях с империей Тан, с другой — в реальности они проводили независимую внутреннюю и внешнюю политику. Это выразилось в собственных девизах правления, имперских амбициях, прослеживавшихся в отношениях с государствами Японией и Силла, периферийными мохэскими владениями, а также в титулах бохайского правителя (*хуаншан* — «Его Величество Император», *тяньсунь* — «Внук Неба»).

Социальная структура Бохая первоначально выглядела следующим образом: *ван* (король) и его родственники; шесть знатных кланов; вожди и старейшины; простые общинники. С течением времени она трансформировалась: император (*хуаншан*) и его семья, управленческо-бюрократическая элита, разбитая на восемь чиновных рангов, в которую входили крупная аристократия, служилая и местная знать; крестьяне, объединённые в общины; различные неполноправные категории населения (Крадин 1989).

Археологические материалы позволяют глубже понять особенности организации бохайского общества. На территории Приморья известно большое количество археологических памятников государства Бохай (Болдин и др. 2010) — городища, поселения, культовые объекты и могильники. Самый известный археологический памятник — крупный город, которым являлось Краскинское городище (Гельман 2018). Оно расположено на самом юге Приморского края. На протяжении уже многих лет здесь ведутся интенсивные раскопки, выявившие различные строительные конструкции — каменные городские стены, привратные укрепления, буддийский храмовый комплекс, печи для обжига черепицы, выложенный из камня колодец и др. На городище также раскопаны жилища с канами — лежанками, отапливаемыми горячим воздухом (Гельман и др. 2018).

Город являлся крупным центром ремесла — гончарства, металлургии, производства черепицы, строительного дела и др. (Гельман, Асташенкова 2018). Здесь найдено много предметов престижного потребления и свидетельств развитой внешней и внутренней торговли (фарфор, глазурированная керамика, украшения). Считается, что это был центр бохайского округа Янь, через который велась морская торговля с Японией.

Большинство населения Бохая составляли крестьяне-земледельцы. В ходе раскопок находят железные лемехи, отвалы, лопаты, серпы, сделанные из камня жернова и ступы. Палеоботанические исследования показывают, что в Приморье бохайцы выращивали просо, пшеницу, ячмень, фасоль, сою, горох, гречиху. Помимо этого, они сеяли технические культуры, были знакомы с садоводством, разводили домашних животных: свиней, крупный рогатый скот, лошадей. Охота на таёжного зверя имела

вспомогательное значение. Также бохайцы занимались собирательством и рыболовством (Болдин 1986; Сергушева 2018). Их ремесленники отличались высоким профессионализмом. Металлурги владели ковкой, закалкой, рубкой, обточкой, возможно, кузнечной сваркой. Они отливали из чугуна котлы, лемехи и отвалы, втулки ступиц, изготавливали бронзовые украшения, мелкую утварь, предметы культа и др. (Леньков 1993).

Бохайцы были знакомы с письменностью. На территории Китая изучались стелы с текстами на китайском языке из погребальных комплексов членов королевской семьи. Государственной религией в Бохае являлся буддизм. При раскопках найдены связанные с ним предметы искусства (изображения будд и буддийских божеств), различные антропоморфные фигурки, изделия неутилитарного назначения (Гельман, Асташенкова 2018).

Бохай завоевали кидани в 926 г. На его землях было создано марионеточное государство Дундань (Восточная Кидань), которое возглавил старший сын Абаоцзи Тууюй. Он имел собственный девиз правления и императорские регалии, самостоятельно отправлял посольства в Японию и Китай (Е Лунли 1979: 240). На высшие государственные посты — правого и левого великого канцлеров (*цзо ю дасян*) и правого и левого заместителей (помощников) канцлеров (*цзо ю цысян*) — назначались поровну представители киданьской аристократии и старой бохайской знати. Зависимость Дундани от киданьской империи выражалась в ежегодной дани в размере 50 тыс. кусков тонкого полотна, 100 тыс. кусков грубого полотна и 1 тыс. лошадей (Е Лунли 1979: 240).

Недовольство бохайцев привело к целой серии восстаний, которые были подавлены (ЛШ 1958, 2: 66—7а), а также к массовому бегству населения в Корё (Шавкунов 1968: 54—56; Цзинь Юйфу 1982: 78—81; Ивлиев 1986: 21—22). Поскольку сопротивление не прекращалось, кидани сменили тактику. Елюй Юйчжи предложил обезопасить восточный фланг империи Ляо, депортировав нелояльных бохайцев: «...население значительно размножится, а так как оно живёт в далёких землях, я боюсь, что в дальнейшем явится для нас источником бедствий. В то же время земли по берегам р. Ляншуй являются их старой родиной... Если сейчас, пользуясь слабостью населения, переселить его обратно, это явится дальновидным планом» (Е Лунли 1979: 363).

Согласно расчётам китайских историков, из Бохая было выслано примерно 65% населения (Ван Чэнли 1984: 176—177). Депортированных сотнями и тысячами приписывали к ордам императоров для строительства и обслуживания императорских мавзолеев, они дарились членам императорской фамилии, крупным вельможам, привлекались к несению всевозможных трудовых повинностей (Ивлиев 1988). Бохайцев перемещали даже на западные границы империи Ляо для снабжения солдат продукцией земледелия и ремесла. Как показывают археологические исследования, подтверждённые данными письменных источников, часть бохайцев на рубеже X—XI вв. была переселена на территорию центральной Монголии для строительства г. Чжэньчжоу (совр. городище Чинтолгой-балгас) и других

крепостей (Крадин и др. 2011). По иронии судьбы, спустя столетие, уже после падения империи Ляо, именно туда стеклись остатки киданьского воинства, которые отказались подчиниться чжурчжэням. Как и бохайцы, они потеряли свою страну и шли теперь искать счастья на чужбине.

КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ: ДИНАСТИЯ ЛЯО (907—1125)

Первые упоминания о киданях в китайских летописях относятся к IV в. (Материалы 1984: 154). Их историческая прародина — долины р. Шара-Мурэн и верховья р. Ляохэ. По данным археологии, районом начального обитания киданей было нижнее течение Ляохэ вплоть до Дандуна и примыкающей к нему территории современной Кореи (Чэнь Юнчжи 2011).

Этнически кидани связаны с дунху, сянъби, ухуанями и другими монголоязычными народами (Викторова 1980). Основу их хозяйства того времени составляло кочевое скотоводство. В течение большей части I тыс. н.э. кидани не играли значительной внешнеполитической роли в дальневосточном регионе. Они были объединены в рыхлую конфедерацию «кочевий» (*було*) — племён или вожеств — с выборным вождём (*дажэнь*). Сначала имелось 10 «кочевий», затем 8, которые могли выставить от 1 до 6 тыс. воинов (Материалы 1984: 156—157). Только с гибелью каганата уйгуров и последовавшим за этим развалом Танской империи они получили исторический шанс (Barfield 1992), который совпал с приходом к власти Абаоцзи из рода Елюй. Последний объединил всех киданей и в 907 г., уничтожив потенциальную племенную оппозицию, объявил себя каганом. Однако до окончательной победы было далеко. Ему понадобилось ещё почти 10 лет, чтобы расправиться с сепаратистами и укрепить свою власть (Цай Мэйбяо 1964). В 916 г. он принял титул «великий совершенномудрый великий проникательный небесный император» (*да шэн да мин тяньхуанди*), утвердил девиз правления и официальное наименование империи — «Государство киданей» (*Цидань-го*).

После гибели империи Тан китайские царства, возникшие из её осколков, стали лёгкой добычей кочевников-киданей. Придя к власти, Абаоцзи начал активную завоевательную политику. Уже в 902 г. он захватил 9 городов и 95 тыс. пленников. Параллельно кидани провели несколько военных кампаний против своих соседей на разных фронтах. В 904—911 гг. были разбиты шивэйцы и кумоси, в 915 г. кидани вышли к границам Корейского полуострова, а в 924 г. дошли до монгольского хартленда — «старого уйгурского города» на берегу Орхона (ЛШ 1958, 2: 46—5а). По всей видимости, это были развалины столицы уйгурского каганата Карабалгасуна (Малаякин 1974: 64, 135). Наконец, в 926 г. кидани без особых проблем завоевали Бохай. На захваченных землях было создано вассальное государство Дундань (ЛШ 1958, 72: 16; Е Лунли, 1979: 240). В том же году в возрасте 54 лет Абаоцзи скончался. Ему наследовал второй сын — Елюй Дэгуан.

В 947 г. Дэгуан изменил название государства на «Великое Ляо» (*Да Ляо*), принял новый календарь по китайскому образцу и новый девиз правления.

К этому времени уже более миллиона китайцев являлись подданными киданьского кагана-императора. На Великой равнине фактически сложилась биполярная структура, образованная империями Ляо и Сун, которые противостояли друг другу в течение почти полувека. Только в начале 1005 г. был заключён мирный договор (Е Лунли 1979: 126—129), согласно которому сунский и ляоский правители относились друг к другу как старший и младший братья. Однако за формально более высокий статус, а фактически — в качестве компенсации за неудовлетворение территориальных претензий киданей Сун обязалась ежегодно поставлять 200 тыс. кусков шёлка и 100 тыс. лян серебра.

По сути, это был ежегодный откуп за право именоваться старшим по статусу. В договоре стороны также обязались прекратить войну, восстановить дружественные отношения, пресекать вторжения на границы и грабежи со стороны населения обоих государств, не допускать укрывательства преступников и перебежчиков, не строить на границе крепости, валы, рвы и каналы (ЛШ 1958, 14: 6а; Е Лунли 1979: 283—285). После новой военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. лян серебра и 300 тыс. кусков шёлка (Е Лунли 1979: 148—149, 289—292; Franke 1990: 408—409). Длительное время эти доходы составляли основу бюджета престижной экономики империи. С варварских народов дань взималась лошадьми, мехами, охотничьими соколами, жемчугом, рыбой и пр. (Wittfogel, Feng 1949: 93, 100, 120, 127; Е Лунли 1979: 303—305; Ивлиев 1988: 10—11). Дань собиралась с завидной регулярностью. Так, например, с начала X по начало XII в. с чжурчжэней она взималась 69 раз, с тели — 43 раза, с уго — 18 раз (Воробьёв 1975: 400—410).

В период расцвета численность населения империи Ляо доходила до 3,8 млн чел. Кочевников-киданей была всего пятая часть (750 тыс. чел.). Кроме них в состав государства входили земледельцы-китайцы (более половины жителей — 2 млн 400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские (так называемые варварские) скотоводческие и охотничьи (200 тыс. чел.) народы (Wittfogel, Feng 1949: 58).

По мере включения в состав киданьской империи значительных земель сельскохозяйственных территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации «восьми племён» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделённой на северную и южную части. Северная администрация возглавлялась Северным канцлером, в чью компетенцию входил контроль за киданями. Южная — существовала для управления китайцами и структурно копировала бюрократическую систему империи Тан.

Ключевые позиции в управлении страной занимала администрация Северного района (*Бэйфу*). Её главными функциями были контроль за киданьскими племенами, другими кочевыми и так называемыми варварскими народами, а также военные задачи, включая разведение государственных стад лошадей. Администрация возглавлялась Северным и Южным

канцлерами. В ней также имелись подчинённые канцлерам ведомства, ряд учреждений, связанных с непосредственным управлением киданьскими племенами и императорским кланом. В состав правительства Северного района также входили Секретариат, ведший переписку киданьским письмом, и серия технических бюро, руководивших правительственными стадами, плавкой железа, арсеналом, различными мастерскими и охотничьими угодьями (ЛШ 1958, 45: 5а—7а; 46: 6а—9а; Wittfogel, Feng 1949: 440—442).

Центральный государственный аппарат находился в Верхней столице. Он состоял из двух больших подразделений: администрации Северного района, ведавшей управлением киданьскими и другими племенами, и администрации Южного района, управлявшей оседлым земледельческим населением, в основном китайцами и бохайцами (ЛШ 1958, 45: 1б—3б, 5б—6б). Для каждой из этих двух групп населения была разработана своя система законодательства (Wittfogel, Feng 1949: 466—467).

Важное значение имело создание собственной киданьской письменности. В 920 г. племянник Абаоцзи Елюй Лубугу и Елюй Тулюйбу создали большое киданьское письмо. Считается, что оно было идеографическим. Оно не получило большого распространения. Однако через пять лет Дэла (Юньдухунь) создал малое киданьское письмо, которое, по всей видимости, являлось фонетическим (подробнее о киданьской письменности см.: Chinggeltei 2002; Kane 2009 и др.). Создание письменности имело огромное значение для формирования ляоской государственности и закрепления самоидентичности киданей. С одной стороны, письменность служила инструментом фиксации устных распоряжений на бумаге, что стимулировало формирование строгих правил управления и контроля. С другой стороны, создание письменности привело к образованию корпуса нарративных текстов, что стимулировало развитие национального языка, высокой культуры, способствовало развитию этнической идентичности.

При императоре существовал Тайный совет — высший совещательный орган, в который входили наиболее доверенные лица. По всей видимости, не имелось специального нормативного акта, который регулировал состав совета. Однако в него входили высшие должностные лица, такие как *юйюэ*, *тинь*, *цзайсяны*, *илиби*, представители кланов императора и императрицы, возможно, наиболее преданные императорам лица из числа неродственников.

Важное место в структуре государственного аппарата занимали Секретариат, где готовились императорские указы и другие документы, а также Управление Великого *линья* (учёного), занимавшееся составлением официальных документов (ЛШ 1958, 45: 8б—9а). Должность *линья* предполагала контроль над отбором претендентов в рамках существовавшей в Ляо системы сдачи экзаменов (Тюрюмина 2007: 134).

При императорском дворе были созданы различные административные подразделения и должности для управления государством и для функционирования ставки. В источниках перечисляется большое количество различных чинов и званий, связанных с двором — конюшенные, сокольничие,

ключники, канцеляристы, лица, отвечающие за имущество ставки, повозки, приготовление пищи, охрану двора и внутренний порядок, и т.д. (ЛШ 1958, 45: 146—186; Wittfogel, Feng 1949: 436—438, 440—443; Е Лунли 1979: 43, 55, 67, 116, 133, 149, 177, 249, 272, 314, 440, 465 и др.). При этом описанная в «Ляо ши» чёткая структура должностей и офисов не должна вводить нас в заблуждение. Многие из декларированных институтов функционировали только спорадически. Большинство так называемых чиновников Северной администрации были больше подобны монгольским нукерам. Как верные вассалы-друзинники, они находились в личных связях с правителем (Twitchett, Tietze 1994: 89). Принятие решений во многом зависело не от существующей нормативной базы и разработанных правил, а от личных связей, семейных и клановых предпочтений, персональных отношений с императором, канцлерами, министрами и другими сановниками, наконец, от дружеских и/или родственных отношений.

Разделение на Северную (*Бэйфу*) и Южную (*Наньфу*) администрации не было строго географическим. Северная занималась управлением киданьскими племенами и войсками вне зависимости от того, где они располагались (ЛШ 1958, 45: 16; Twitchett, Tietze 1994: 77). Племена и вождества, подчинённые непосредственно администрации Северного района, делились на три категории: 1) четыре «великих кочевья»; 2) четыре «малых кочевья»; 3) зависимые племена и «владения». О разделении киданьских «кочевий» на две неравные по статусу половины выше уже шла речь. Абаоци изрядно «перекроил» состав племён, перемешав их друг с другом. Спустя три столетия Чингисхан поступит точно так же.

Данный шаг требовался для ослабления существующих генеалогических связей. Так, 700 дворов си были преобразованы в племя деладета. Другие кочевья си — переданы в племена ишиаовэй и чутэаовэй. Из завоёванного племени далуго создали племя пиньдалуго. Из покорённых племён больших и малых жёлтых шивэй — племена тулюйбу шивэй и неланугу. Из 6 тыс. дворов юйгули учредили племена тулу и угунела. Кумоси изначально имели свой союз пяти племён. В течение определённого времени часть кумоси была завоёвана и подчинена киданями. Оставшихся при Абаоци объединили в «большое племя» — *да буцзу* (Цай Мэйбяо 1964: 190).

Надплеменная организация имела довольно запутанный аппарат управления северной и южной частями киданьской конфедерации. Наиболее важную роль играли «Великие правители» (*даван*). Вместе с канцлерами (*цзайсянами*) они оттеснили от управления старую аристократию — *юйюэ* и *тииней* (Даньшин 2006: 88). Подавляющее большинство должностей в администрации Северного района занималось по наследству киданьскими аристократами из родов Елюй и Сяо. В целом номенклатура названий должностей в центральной и местной администрации Северного района отражает прямую связь этой части государственного аппарата киданьской империи с органами управления киданьского племенного союза доимперского периода. При чтении китайских источников может сложиться впечатление, что у киданей сформировалась разветвлённая бюрократическая

система различных служб и офисов с профессиональными чиновниками и многочисленными клерками. Скорее, следует согласиться с точкой зрения, что «это была в сущности личная свита больших племенных лидеров, многие из офисов которой были зарезервированы для представителей той или другой ветви клана короля или королевы» (Twitchett, Tietze 1994: 78).

Вместе с тем произошли и существенные изменения. В соответствии с иерархической организацией степного общества номады были разбиты на подразделения по десятичному принципу (Е Лунли 1979: 511—513). При этом обычно только часть кочевников участвовала в военных действиях, а «остальные воины всегда оставались на месте в качестве основы племени» (Е Лунли 1979: 426). Согласно «Ляо ши», «всё население в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет было занесено в военные списки. На одного воина регулярных войск приходилось три лошади, один фуражир и один человек, обслуживающий лагерь» (ЛШ 1958, 34: 26—56).

Основой военной мощи киданей служила организация *ордо* императорской гвардии, охранявшей дворец императора и сопровождавшей его в походах, а после смерти императора охранявшей его мавзолей. «Тай-цзу [Абаоцзи] после воцарения на престол при поддержке племени ила разделил своё племя на Пять подразделений и Шесть подразделений, которые управлялись членами императорского клана. Но личной гвардии не доставало. Поэтому были учреждены войска *ордо*. Все округа, уезды, дворы и отдельные подданные были разделены таким образом, чтобы усилить ствол и ослабить ветви. Этот принцип использовался и последующими поколениями; каждый новый правитель набирал свою гвардию *ордо*. Когда император вступал [в резиденцию], гвардейцы располагались рядом с ним, чтобы защитить его, а когда он выходил, сопровождали его. После погребения императора они охраняли его мавзолей. В случае военных действий опорные базы пяти столиц и двух областей быстро рассылали воззвания и собирали [войска] таким образом, что не было необходимости ожидать окончания мобилизации по уездам, округам и племенам, поскольку армия в 100 000 конных воинов уже была наготове» (ЛШ 1958, 35: 16; Wittfogel, Feng 1949: 540).

В 31 цзюане «Ляо ши» приводится подробное описание орд киданей (ЛШ 1958, 31: 1а—9б; см. также рус. пер. в: Е Лунли 1979: 517—523), из которого следует, что каждый киданьский император, вступая на престол, основывал свою собственную орду, в состав которой входили семь членов орд предшествовавших императоров, за исключением охраны мавзолеев. Для обеспечения орд воинами и обслугой к ним приписывались округа, уезды и воеводства. Многочисленные дворы пленных китайцев и бохайцев придавались ордам для обслуживания и выполнения функций вспомогательных войск. И таких дворов в составе орды обычно было значительно больше, чем дворов киданей. По этой причине численность *ордо* на протяжении истории империи Ляо постепенно увеличивалась. Если в 926 г. в *ордо* входили 15 тыс. домохозяйств, которые могли выставить 6 тыс. всадников, то в последний этап существования империи в *ордо* входило уже 140 тыс. домохозяйств, которые могли выставить 76 тыс. конных воинов (Wittfogel, Feng 1949: 516).

Администрация Южного района формировалась по мере завоевания киданями территорий Северного Китая и Бохая и обретения ими больших масс оседлого земледельческого населения. Большинство постов в ней занимали китайцы, при этом она никогда не имела такой политической власти, как администрация Северного района, сфера её компетенции ограничивалась в основном управлением гражданскими делами жителей земледельческих зон империи Ляо. Как уже отмечалось выше, администрация Южного района по своей структуре во многом копировала государственный аппарат Танского Китая. Среди важнейших составных частей Южной администрации упоминаются институты «трёх наставников», «трёх князей-советников» при императоре, три высших органа — Тайный Совет (*шумиюань*), Административный Совет (*чжуншушэн*) и Совет Двора (*мэнься шэн*), — различные советники с подчинёнными им департаментами, цензорат, академия наук (*ханьлин*), департамент государственной историографии, а также шесть важнейших министерств: 1) чинов; 2) наказаний; 3) налогов; 4) религиозных церемоний; 5) общественных работ; 6) военных дел (Wittfogel, Feng 1949: 445—448).

Территория южной части страны была разделена на области (*фу*) и уезды (*сянь*). Всего в Ляо было 5 столиц; 6 областей (*фу*); 156 округов (*чжоу*), воеводств (*цзюнь*) и городков (*чэн*); 209 уездов (*сянь*); 52 племени (*буцзу*) и 60 вассальных владений (*шу го*) (Чжан Чжэнмин 1979: 43—44). На каждом уровне иерархии существовал свой управленческий аппарат. Кроме центральных, региональных и местных органов власти имелись административные органы пяти столиц Ляо (Wittfogel, Feng 1949: 448). Для заполнения вакансий в администрации Южного района для китайского населения империи была введена система экзаменов по танскому образцу (Wittfogel, Feng 1949: 454—456).

Императоры большую часть времени проводили вне столиц, в сезонных ставках — *набо*. В соответствии с традициями сезонных перекочёвок императоры переезжали из одного *набо* в другое. Несколько раз в год чиновники Северной и Южной администраций вызывались к императору для обсуждения государственных дел. Они приезжали в Среднюю столицу или в сезонную ставку императора для решения накопившихся вопросов по управлению китайскими территориями.

Ко второй половине XI в. киданьская империя прошла пору своего подъёма, начался её упадок. Подобные кризисы были характерны для всех династий традиционного Китая (Коротаяев и др. 2007), а в более широком контексте — для всех доиндустриальных обществ (Турчин 2007; Нефедов 2008; Гринин, Коротаяев 2012 и др.). К тому же длительный период относительно мирного существования государства без крупных военных кампаний привёл к ослаблению боеспособности киданьских войск. В последней четверти XI в. Ляо уже не велись какие-либо завоевательные войны. Напротив, ей всё чаще приходилось отражать нападения соседей. Огромных усилий стоила киданям победа над кочевниками цзубу и диле, захватившими огромные табуны императорских лошадей (Wittfogel, Feng 1949: 539, 593—594). Слепленные своим былым величием, киданьские правители не смогли вовремя заметить и предотвратить нависшую над империей опасность со стороны чжурчжэней.

ЧЖУРЧЖЭНИ И ИМПЕРИЯ ЦЗИНЬ

Этноним *чжурчжэни* появляется с X в. Им стали называть происходившие от хэйшуй мохэ племена и вожества, расселившиеся по территории Северной Маньчжурии, Приморья и Приамурья на опустевших после киданьского завоевания бохайских землях. Кидани подразделяли чжурчжэней на «мирных», которые расселялись на подконтрольных империи Ляо землях, и «диких», которые проживали к востоку и северо-востоку от Сунгари. Чжурчжэни зависели от киданей и платили им дань пушниной, драгоценностями, лекарственными растениями, лошадьми и т.д. Особенно ценились охотничьи соколы (*хайдунцины*), за ними по требованию киданей чжурчжэни регулярно совершали походы в земли уго (кит. «пять владений»), предположительно, в низовья Сунгари, Уссури и прилегающую к ним долину Амура.

Согласно «Цидань го чжи», к востоку от уго находилось море, «на берегах которого водились знаменитые соколы... их называли хайдунцин — [„серые соколы с восточного морского побережья“]. Несмотря на небольшую величину, они были умными и сильными, могли ловить гусей и уток... Кидане чрезвычайно любили соколов и ежегодно требовали их от нюйчжэней. Чтобы получить соколов, нюйчжэням приходилось ездить в государство Пяти племён и воевать с ним. Трудности добычи соколов были для нюйчжэней невыносимы» (Е Лунли 1979: 176).

По мнению того же источника, «соколиный оброк» стал одной из причин консолидации чжурчжэней: «Когда престол унаследовал Тянь-цзо (последний император Ляо — *Н.Н.*), требования дани стали ещё более жестокими. К тому же приезжавшие императорские послы предъявляли самые разнообразные требования и, если племена хотя бы немного нарушали распоряжения, вызывали их вождей, которых наказывали ударами палкой или даже убивали. Это вызывало возмущение и недовольство среди всех нюйчжэньских племён, которые тайно объединились вокруг Агуды» (Е Лунли 1979: 176).

Так или иначе, летопись подтверждает факт консолидации чжурчжэней в конце XI в. под предводительством рода Ваньянь. Постепенно все более или менее крупные объединения чжурчжэней оказались под его влиянием. В 1112 г. вождь чжурчжэней Агуда отказался танцевать на официальном приёме у киданьского императора. Это стало причиной конфликта и начала войны.

Важно заметить, что по китайско-ляоской классификации Агуда относился к так называемым диким чжурчжэням (Е Лунли 1979: 169). Опасаясь ляоской экспансии, он развернул масштабное строительство крепостей (Розов 1998: 96; Е Лунли 1979: 457—458).

Через несколько лет Агуда провозгласил создание Золотой (по-китайски — *Цзинь*) империи чжурчжэней (1115—1234) и принял титул императора.

Изначально чжурчжэни уступали в вооружении киданям. В частности, у них отсутствовали защитные металлические панцири. С побегом в 1096 г. Сяо Сели из Ляо к чжурчжэням попало 500 комплектов защитного вооружения, которые были использованы впоследствии в походах против киданей. После первых побед киданьское защитное и наступательное вооружение стало попадать к чжурчжэням в массовых масштабах (Е Лунли 1979: 169). За 10 лет чжурчжэни полностью разбили киданей и захватили всю их территорию. По иронии судьбы остатки киданей оказались в самом западном городе империи Ляо — Чжэньчжоу (городище Чинтолгой-балгас), куда они прежде ссылали бохайцев (Крадин и др. 2011: 166—167). В 1130 г. они покинули и его, направившись в Среднюю Азию, где создали империю каракиданей (*Си Ляо*, кит. «Западное Ляо»).

Агуда принял инвеституру в соответствии с китайской традицией. Чтобы легитимизировать своё правление, он по наущению своего советника, бохайца Ян Пу, послал письмо киданьскому императору. Тому предлагалось узаконить статус Агуды в качестве императора, установить дипломатические отношения, выплачивать дань чжурчжэням и уступить две пограничные провинции (Franke 1975: 158—165). Миссия в конечном счёте провалилась из-за резкого тона ответного письма. Однако вызывает интерес стремление Агуды легитимизировать своё положение посредством механизмов, используемых в китайской политической традиции.

После завоевания территории Ляо чжурчжэни взялись за подчинение Китая. Постепенно они захватили практически весь Северный Китай, а империя Южная Сун вынужденно осуществляла им ежегодно огромные выплаты. Только в 1127 г. чжурчжэни получили от Сун 1 млн лянов золота, 10 млн слитков серебра, 10 млн кусков шёлка и 10 млн кусков других тканей. Впрочем, экономический «центр» дальневосточной мир-системы находился на юге и полученное серебро скоро возвращалось назад. Чжурчжэням приходилось рассчитываться им за покупаемые в Сун товары (Theile 1971: 113—115; Гончаров 1986: 25).

Ещё в период царствования Агуды был заключён союз против киданей с империей Сун. Однако сразу после разгрома киданей встал вопрос о разделе ляоского наследства. Чжурчжэни отдали сунцам только шесть округов около Яньцина (Пекина) и обязали их присылать денежные выплаты. В 1123 г. был заключён равноправный договор с династией Сун, согласно которому сунцы должны были выплачивать 200 тыс. серебряных монет и 30 тыс. кусков шёлка.

В ходе войны 1125 г. за несколько месяцев чжурчжэни захватили большую часть Хэбэя и Шэньси. После завоевания Кайфэна в 1126 г. они получили огромную добычу: 54 млн кусков шёлка, 15 млн кусков парчи, 3 млн слитков золота, 8 млн слитков серебра, что эквивалентно 5 млрд связок монет. В сокровищнице буферного государства Ци в 1137 г. было захвачено 1,2 млн лянов золота, 1,6 млн лянов серебра, 900 тыс. ху зерна, 2,7 млн кусков шёлка, 98,7 млн связок монет (Воробьёв 1975: 270).

В 1142 г. был заключён мирный договор с Южной Сун (так называемый шаосинский договор), по которому р. Хуайхэ стала официальной границей между двумя государствами, сунцы обязывались ежегодно выплачивать цзиньцам 250 тыс. связок монет и 250 ланов серебра. Помимо этого, они должны были не чинить препятствий беженцам, возвращающимся на территорию Цзинь, не принимать перебежчиков, отказаться от всех территориальных претензий. Стороны обязывались не размещать в приграничных землях военные гарнизоны, кроме пограничных и тыловых частей. Также открылись приграничные рынки между Цзинь и Сун.

Оценивая сунские выплаты чжурчжэням, М.В. Воробьёв высказал обоснованное мнение, согласно которому доля поступлений из Южной Сун в цзиньский бюджет, в целом, была невелика — всего 1,4% (Воробьёв 1975: 270). Однако, учитывая значимость получаемых товаров для престижной экономики традиционного общества, мы вправе предположить, что их большая часть уходила на подарки. Последние раздавались щедро, в соответствии со статусом индивида и по случаю самых разных событий — праздников, брачных церемоний, рождения детей, траурных мероприятий, военных баталий и др. К примеру, в 1142 г. один из родственников императора, являвшийся военачальником, получил за свои военные успехи 1 тыс. рабов, 1 тыс. лошадей, 1 млн овец, 40 слитков серебра и 2 тыс. кусков тканей.

В период расцвета чжурчжэньская империя занимала всю Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока России, часть Северной Кореи и большую часть Северного Китая. Численность населения Цзинь в начале XIII в. составляла более 53 млн чел., из которых чжурчжэней было около 10%, тогда как китайцев — не менее 83% (Franke 1978: 12, 14). Подобно бохайцам и киданям, чжурчжэни имели пять столиц. Страна делилась на 19 губерний, которые возглавлялись генерал-губернаторами и, в свою очередь, состояли из областей, округов и уездов.

Этнонациональный состав империи Цзинь, согласно переписи 1183 г., выглядел следующим образом: чжурчжэни и тунгусы (10%), бохайцы (2%), кидани (1%), китайцы (85%). Население располагалось неравномерно. Наиболее густо заселёнными были южные части страны около старых столиц китайских династий. Так, в районе Кайфына (Южная столица) проживало 1,7 млн домохозяйств. Это почти четверть населения страны. Около Пекина (Средняя столица) располагалось 226 тыс. хозяйств. Территория Маньчжурии была заселена гораздо хуже. Для примера, в Ляояне (Восточная столица) находилась 41 тыс. домохозяйств, а в районе Хуэйнина (Верхняя столица, совр. городище Байчэн) — всего 31 тыс. (Franke 1994: 279).

Получив огромные материальные и человеческие ресурсы, чжурчжэни смогли построить высокоразвитую империю, используя сунские, ляоские и некоторые собственные политические практики. Уже через четыре года после провозглашения государственности чжурчжэни создали собственную слоговую письменность. В государстве получили развитие различные науки и медицина, литература и поэзия, изобразительное

и декоративно-прикладное искусство, скульптура и архитектура. Чжурчжэни строили крупные города, в которых воздвигали пышные дворцы и храмы. Города становились центрами ремесла, торговли, идеологии, своеобразной многонациональной культуры. Они не только заимствовали, но и развили систему пяти столиц, и их столицы были больше и величественнее киданьских (Воробьёв 1975, 1982; Шавкунов 1990 и др.).

В первые годы существования империи Цзинь чжурчжэни использовали для управления систему традиционных вождей *боцзиле* (чж. *богиле*), а также институты *мэнгань* и *моукэ*. Чжурчжэньский термин *моукэ*, возможно, восходит к маньчжурскому *мукун* — клан, семейство, деревня, а термин *мэнгань* (ср. монг. *мянган* — тысяча; маньчж. *минган*), по всей видимости, обозначал «тысяча» (Franke 1994: 273—274). При этом сохранились ляоское административно-территориальное деление и дуальная система управления. Уже в 1119 г. было создано большое, а в 1138 г. — малое чжурчжэньское письмо.

Для управления завоёванными территориями чжурчжэни воспользовались созданной киданями дуальной системой управления. Со временем при дворе развернулась борьба между сторонниками «военной» и «административной» партий. Тайцзун (1123—1135) опасался сепаратистских настроений «милитаристов» и склонился ко второму варианту (Tao Jing-shen 1976). За 1133—1134 гг. дуальная система управления была преобразована в единый общегосударственный бюрократический аппарат. В новом государственном устройстве много было заимствовано от китайской традиционной бюрократической системы, но в неё вошло и немало элементов управления чжурчжэньским обществом. Основу госаппарата составляли шесть министерств: общественных работ, юстиции, финансов, церемоний, чинов и военных дел. Все высшие должности в правительстве заняли чжурчжэни. Однако большинство чиновников всех министерств и ведомств были китайцами (Воробьёв 1975: 150—178).

С течением времени система органов управления государства сформировалась в следующем виде: во главе находился подчинённый императору Верховный военный совет, ему подчинялись система *боцзиле* для управления чжурчжэнями и Государственный совет и шесть министерств для управления китайцами. Земли чжурчжэней делились на генерал-губернаторства, которые состояли из *мэнгань* и *моукэ*. Территории, заселённые китайцами, делились на губернии, области, округа и уезды. При этом часть *мэнганей* и *моукэ* чжурчжэней для поддержания контроля была расселена среди китайцев. Для осуществления военной координации сохранялся Тайный совет (Воробьёв 1975: 151—153).

К окончанию войны против киданей была восстановлена экзаменационная система. Она первоначально не затрагивала чжурчжэней. Только с 1156 г. были организованы экзамены для представителей титульной нации империи, несколькими годами позже создания чжурчжэньского университета. При этом в разные годы система сдачи экзаменов варьировала

(Воробьёв 1975: 174). В 1132—1134 гг. была ликвидирована система боцзиле, а вместо неё с 1137 г. — введена ранговая система. Она состояла из 9 рангов, каждый из которых делился на два: полный и неполный (Воробьёв 1975: 170).

В наиболее законченном виде структура аппарата управления империей сформировалась ко второй половине XII в. Она выглядела следующим образом: высшей инстанцией являлся император, при нём было несколько совещательных органов — институт трёх князей (*сань гун*) и трёх наставников (*сань ши*), «коллегия мудрейших» (*цзисянь юань*) и «коллегия увещеваний» (*цзянь юань*). Также при императоре существовал широкий круг различных ведомств, в который входили цензорат, государственная канцелярия, государственный секретариат, верховный суд, военно-карательное ведомство *дуюаньшифу*, впоследствии преобразованное в Верховный военный совет (Тайный совет). Государственному совету подчинялись шесть министерств (бу) — чинов, финансов, церемоний, юстиции, общественных работ и военных дел; а помимо них — коллегия государственной истории (*гоши юань*), академия Ханьлинь, государственный архив, обсерватория, служба календарей, библиотека, университет. Ряд ведомств был создан для обеспечения императорского двора. Среди них — коллегия императорских приёмов (*сюаньхуй юань*), сокровищница (*тайфу цзянь*) и некоторые другие специальные подразделения (Воробьёв 1975: 159—164).

Высшие органы власти состояли преимущественно из чжурчжэней. Они занимали практически все ключевые должности. В различных министерствах численность представителей различных этнических групп сильно варьировала. Больше всего чжурчжэней было в военном министерстве (69%), тогда как в министерстве финансов большинство составляли китайцы (78%) (Воробьёв 1975: 172, табл. 10).

Опасаясь растворения, чжурчжэни старались ограничивать процент госслужащих из числа китайцев в высших органах власти. Удельный вес последних постоянно увеличивался, но никогда не достигал половины (Воробьёв 1975: 171—173). Заимствованная из Китая система экзаменов была преобразована таким образом, чтобы фильтрация китайцев осуществлялась жёстче. Чжурчжэни гораздо проще получали степень «цзиньши», чем китайцы. Кроме этого, чжурчжэни могли получить должность по наследству или по протекции. Из числа китайцев более льготные условия создавались для бывших подданных Ляо — «северян» (*ханьэр*), а не для «южан» (*наньжэнь*), сунцев (Tao Jing-shen 1976: 55—57). При этом почти весь XII в. в разных частях государства продолжали сосуществовать разные письменные языки (китайский, киданьский и чжурчжэньский). Только в 1191—1192 гг. была сделана попытка упразднить киданьское письмо (Wittfogel, Feng 1949: 252—253).

В результате сложных аккультурационных процессов сложилась многонациональная социальная структура чжурчжэньской империи. Во главе находился император и его многочисленные родственники. Они были крупнейшими владельцами собственности и занимали большинство главных постов государственного аппарата. Далее располагалась чжурчжэньская

аристократия. Её представители обладали значительным богатством, служили главной опорой государства. Ещё ниже находились племенные вожди и, наконец, простые чжурчжэни, которые являлись опорой армии, занимались земледелием, скотоводством, охотой и ремеслом. Из представителей нечжурчжэньских народов в империи высокое общественное положение имели китайские чиновники и крупные землевладельцы, хотя их влияние ограничивала верховная власть. Положение свободных китайских ремесленников, торговцев и крестьян было намного хуже. На их плечи легли основные тяготы государственных налогов и повинностей. Но ещё тяжелее являлось положение казённых и частных рабов, вынужденных трудиться на своих хозяев. Для дополнительного поддержания порядка на завоёванных землях была создана система чжурчжэньских военных поселений — *мэнъань* и *моукэ* (Воробьёв 1975: 130—142).

Согласно переписи 1183 г., система военных поселений составляла 615 тыс. 624 домохозяйств, к которым было приписано 6 млн 158 тыс. 636 чел. Из них 4 млн 812 тыс. 669 чел. относились к простолюдинам, остальные — к рабам и другим неполноправным категориям населения. В совокупности они составляли 202 *мэнъаня* и 1 тыс. 878 *моукэ* (Воробьёв 1975: 141—142, табл. 6; Franke 1994: 276). Эти сведения дают важную информацию о численности *мэнъань* и *моукэ*. Получается, что *мэнъань* состоял в среднем из 9 *моукэ*, а 1 *моукэ* — из 328 домохозяйств. Численность домохозяйства была около 10 чел. В среднем на домохозяйство приходились 2 лица рабского или подобного статуса. Среднестатистическая численность 1 *моукэ* несколько превышала 3 тыс. чел., а 1 *мэнъаня* — 30 тыс. чел. В совокупности количество приписанных к *мэнъань* и *моукэ* людей составляло чуть больше десятой части численности населения империи Цзинь.

Основной задачей военных поселений *мэнъань* и *моукэ* на завоёванных территориях было занятие сельским хозяйством в мирное время и участие в военных походах в годы войны. Однако на практике чжурчжэни не только принимали участие в военных походах, но и были привлечены к военным тренировкам, а также к другим обязанностям. Часть из них в мирное время вела праздный образ жизни, пьянствовала. Вследствие всех этих и других причин конкурентоспособность *мэнъань* и *моукэ* уступала китайским хозяйствам. Многие домохозяйства чжурчжэней разорялись, попадали в кабалу к ростовщикам.

Государство разными способами пыталось бороться с этой проблемой: раздавало беднякам зерно, запрещало пьянство, выкупало должников, организовывало регулярные военные тренировки. Тем не менее с течением времени этнический фундамент системы военных поселений стал разрушаться. К середине XII в. уже существовали разные по своему этническому составу группы *мэнъань* и *моукэ*. Помимо *мэнъань* и *моукэ*, состоящих из чжурчжэней (часть из них находились под управлением представителей высшей элиты и императорского клана), были сформированы военные поселения из киданей и китайцев (Franke 1994: 274—275).

Археологические исследования чжурчжэньских городищ (Бакшеева, Прокопец 2018) в Приморье позволяют выявить несколько уровней политической иерархии. Около современного Уссурийска на противоположном берегу р. Раздольная (Суйфун) находится Краснояровская крепость — г. Кайюань, одна из столиц государства Восточное Ся (Ивлиев 1996). Это был большой город площадью 180 га с мощными внутренними фортификационными сооружениями, дворцами, храмами, административными зданиями. Посредством раскопок большими площадями исследовано много жилищных усадеб, иных хозяйственных объектов, открыто несколько улиц. По всей видимости, город делился на несколько различных зон в зависимости от статуса и специализации их жителей — кварталы ремесленников и торговцев, других категорий населения, место расположения гарнизона. В юго-восточной части городища находился «внутренний город» площадью 35 га. Его территория разделена на несколько участков: так называемый запретный город с дворцовыми зданиями; кварталы чиновников и представителей господствующей элиты; храмовые комплексы; государственные склады и др. (Артемьева 2011).

Одно из наиболее изученных горных городищ чжурчжэней — Шайгинское городище. Это был настоящий город, в котором концентрировались институты власти, имелся мощный металлургический квартал, жили представители других видов ремёсел, располагались городские склады и т.д. В нижней части распадка, поблизости от водного источника, находились металлургические печи. Выше от них — квартал ремесленников с небольшими жилищами-мастерскими. Напротив, на противоположном склоне распадка, расположены три «внутренних города», окружённые земляными валами и примыкавшие друг к другу. Здесь найдены остатки зданий с колоннами и большие пустые пространства. В этом районе обнаружено большинство предметов, связанных с институтами власти (пайцза, печать «чжичжуня» — *чжичжуня* — крупного чжурчжэньского чиновника, эталонные гири). В северо-восточной части городища имеется ещё один «запретный город» с большими жилищами, подобием площади и входом с черепичной аркой (Шавкунов 1990; Ивлиев 2006).

Примером небольшого военного поселения (*моукэ*) является Ананьевское городище в Надеждинском районе Приморья (Хорев 2012).

В целом, чжурчжэньские равнинные и горные городища имели развитую фортификацию, которая была грамотно вписана в особенности ландшафта. У них была сложная планиграфия — так называемые запретные города, редуты, квартальное деление, улицы. На некоторых городах имелись большие пустые участки (как у киданей). На ряде памятников встречены фундаменты под юрты (Константиновское городище). Население городов занималось ремеслом, а также земледелием и животноводством. Уровень развития ремесла являлся высоким для того времени. Мы можем предположить, что ремесленники могли быть организационно объединены под контролем государства. Однако по данным археологии это не прослеживается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные представления о генезисе государства имеют немало отличий от классических теорий, излагаемых в многочисленных трудах и учебниках по истории, политологии и юриспруденции. Во-первых, было выяснено, что существует большое число причин, которые влияли на развитие политической централизации. Во-вторых, современные историки, археологи и антропологи (этнологи) склонны считать, что генезис государства обусловлен двумя взаимосвязанными процессами — необходимостью общественной консолидации по мере усложнения общества (*интегративная* или *функциональная* теория) и необходимостью урегулирования в обществе конфликтных ситуаций (*конфликтный* подход, *классовая* теория). В-третьих, современная наука не склонна интерпретировать становление и развитие государства как однолинейный процесс. Существует несколько наиболее популярных теорий, раскрывающих различные пути возникновения государства. Наиболее часто исследователи противопоставляли развитие западных и восточных обществ. Однако в последнее время ряд авторов полагают, что сложность общества далеко не всегда связана с формированием государственности. Они придерживаются многолинейной теории социальной эволюции и выделяют несколько альтернативных государству форм политического устройства, которые находятся между двумя полюсами — так называемой *иерархической* линией эволюции (*сетевая* стратегия) и гетерархией (*корпоративная* стратегия).

В целом, оценивая динамику политогенеза дальневосточных обществ, следует отметить, что все рассмотренные в настоящей работе политии входили в число так называемых вторичных государств, развивавшихся под определённым влиянием китайской политической культуры. Помимо этого, целесообразно указать на стимулирующее влияние уже сформировавшихся ранних и зрелых государств в регионе на политии, находившиеся на пороге государственности. Так, следует признать, что кроме танского фактора в становлении бохайской государственности определённую роль сыграло когурёское наследие. Важные принципы организации политической системы киданей были заимствованы от тюркских каганатов. Не случайно, ещё в конце VII в. ряд вождей пытались создать киданьский каганат по примеру тюркской степной империи. В свою очередь, сами кидани оказали существенное влияние на процессы политогенеза у чжурчжэней, а чжурчжэни — на процессы политогенеза у монголов. Можно не сомневаться в том, что впоследствии ряд монгольских институтов был заимствован у степняков поздними чжурчжэнями — маньчжурами. Всё это отражалось в церемониях международного признания молодого государства старшим партнёром, заимствовании предгосударственными обществами титулатуры, концепции верховной власти, элементов административного устройства, моделей политического поведения и пр.

Другой важной чертой политического устройства дальневосточных государств является дуализм политической системы империй. Киданьская империя Ляо, как и впоследствии государство чжурчжэней Цзинь, имели более сложную структуру, чем раннее государство Бохай. В случае с киданями и чжурчжэнями это были так называемые *ранние империи* (Thapar 1981). Основной формой эксплуатации в ранних империях были данничество и налогообложение подчинённого земледельческого и городского населения. Особенность дальневосточного варианта состояла в том, что эти империи создавались в процессе завоевания номадами (кидани) или охотничье-земледельческими народами (чжурчжэни) более высокоразвитых соседей-земледельцев (китайцев). В результате формировалась сложносоставная социальная структура и дуальная административная система управления. Таким путём происходило наложение предгосударственных или — максимум — раннегосударственных институтов воинственных северян на типичное восточно-деспотическое общество завоёванных оседлых жителей. Обычно так формировались даннические или завоевательные *кочевые империи* (Крадин 2007). Однако династия Цзинь постепенно трансформировалась в классическое доиндустриальное государство.

Что стало причиной кризиса и распада государств и империй дальневосточного региона? Как известно, все империи рано или поздно распадаются. Причинами их гибели могут быть самые разнообразные факторы — от изменений климата и появления на внешней арене более мощной империи до внутренних восстаний и революций. Есть большое число исследований, в которых даётся обоснование тех или иных обстоятельств кризисов, упадков и распадов империй и больших государств (см., напр.: Tainter 1988; Chase-Dunn, Hall 1997; Даймонд 2012). Однако наиболее точно природу циклов аграрных государств отражает структурно-демографическая теория. В её основе лежит модель, согласно которой причина кризисов находится в изменении соотношения таких составляющих, как объём аграрных ресурсов, численность производителей, численность элиты, количество взимаемых с производителей налогов. Рост населения приводит к увеличению нагрузки на ресурсы и росту цен. Независимо от этого, согласно так называемому первому закону Паркинсона, одновременно увеличивается численность элиты и аппарата. Производители не способны платить чрезмерные налоги, что приводит династию к кризису и краху (Турчин 2007; Нефедов 2008; Гринин, Коротаев 2009 и др.).

Всё это можно проследить в истории средневековых дальневосточных государств. К сожалению, информации о внутренней жизни Бохая в нарративных источниках практически нет. Однако перепроизводство бюрократии в киданьском государстве зафиксировано в летописях. В «Ляо ши» сохранились подробные данные о количестве лиц, сдавших экзамены на степень *цзиньши* с 988 по 1118 г. Если в первые 16 лет их количество исчислялось единицами, то с 1006 г. счёт уже пошёл на десятки, а с 1056 г. — переваливал в годы выборов, как правило, за сотню (Wittfogel, Feng 1949: 491—492). Киданьская армия и бюрократия обходились казне слишком

дорого. Мало того, что фактически вся дань от Сун уходила на их оплату, с течением времени киданьская знать, ставшая крупным земельным собственником, стала уклоняться от уплаты налогов. Это сокращало и без того не очень высокий уровень налогообложения в стране (Wittfogel, Feng 1949: 286, 377, 406; Barfield 1992: 177). В результате степень эксплуатации крестьян всё нарастала, это вело к их бегству и восстаниям. Мощь государства расшатывалась перепроизводством киданьской элиты вследствие полигинии.

Схожие процессы можно выделить и в империи Цзинь. К 1183 г. численность чиновников составляла 19 тыс. 700 чел. при общей численности населения 44,7 млн чел. В 1193 г. численность чиновников была снижена до 11 тыс. 499 чел. при некотором росте населения до 48,5 млн чел. Это было сделано при Чжан-цзуне за счёт вытеснения китайцев и киданей. В 1207 г. численность чиновников достигла 47 тыс. чел. при общей численности населения страны в 45,8 млн чел. (Воробьёв 1975: 173). Следовательно, за период с 1188 по 1207 г. соотношение между числом чиновников, приходящихся на одного человека, выросло в 2,8 раза! С точки зрения структурно-демографической теории, это классический показатель кризиса, который привёл, в конечном счёте, чжурчжэньскую государственность к закономерной гибели.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемяева, Н.Г. 2011. Итоги исследований Краснояровского городища Приморской археологической экспедицией. *Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока*. Уссурийск: 270—277.
- Бакшеева, С.Е., Прокопец, С.Д. 2018. Чжурчжэньские города. *Города средневековых империй Дальнего Востока*. Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература: 203—250.
- Берент, М. 2000. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М.: Логос: 235—258.
- Берёзкин, Ю.Е. 1995. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. Отв. ред. В.А. Попов. М.: Наука: 165—187.
- Берёзкин, Ю.Е. 2013. *Между общиной и государством: Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике*. СПб.: Наука.
- Бичурин, Н.Я. 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Болдин, В.И. 1986. *Земледелие и животноводство у бохайцев и чжурчжэней Приморья (по материалам археологических исследований)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Болдин, В.И., Никитин, Ю.Г., Сук-Бэ Чжун, Лещенко, Н.В. 2010. *Бохайские памятники в Приморье и Константиновское 1 селище*. Тэджон: Корейский государственный университет культурного наследия.
- Бондаренко, Д.М., Коротаев, А.В. 1999. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции. *Общественные науки и современность*, № 5: 128—138.

- Бондаренко, Д.М., Коротаев, А.В. 2002 (отв. ред.). *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: ЦЦРИ РАН.
- Васильев, Л.С. 1983. *Проблемы генезиса китайского государства*. М.: Наука.
- Викторова, Л.Л. 1980. *Монголы. Происхождение народа и истоки культуры*. М.: Наука.
- Воробьев, М.В. 1975. *Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк*. М.: Наука.
- Воробьев, М.В. 1983. *Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.)*. М.: Наука.
- Гельман, Е.И. 2018. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней. *Ойкумена*, № 1: 60—72.
- Гельман, Е.И., Асташенкова, Е.В. 2018. Культура и повседневность бохайских городов. *Города средневековых империй Дальнего Востока*. Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература: 124—148.
- Гельман, Е.И., Асташенкова, Е.В., Прокопец, С.Д., Ивлиев, А.Л. 2018. Города Бохайского государства. *Города средневековых империй Дальнего Востока*. Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература: 68—123.
- Гончаров, С.Н. 1986. *Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127—1142)*. М.: Наука.
- Гринин, Л.Е. 2007. *Государство и исторический процесс. Кн. 1. Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства. Кн. 2. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. Кн. 3. Политический срез исторического процесса*. М.: Комкнига.
- Гринин, Л.Е., Коротаев, А.В. 2009. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: URSS.
- Гринин, Л.Е., Коротаев, А.В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы*. М.: Либроком.
- Даймонд, Дж. 2009. *Ружья, микробы и сталь*. М.: АСТ.
- Даймонд, Дж. 2012. *Коллапс*. М.: АСТ.
- Даймонд, Дж. 2016. *Мир позавчера*. М.: АСТ.
- Данилова, Л.В. 1968 (отв. ред.). *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука.
- Даньшин, А.В. 2006. *Государство и право киданьской империи Великое Ляо*. Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Е Лунли. 1979. *История государства киданей (Цидань го чжи)*. Пер., введ. и комм. В.С. Таскина. М.: Наука.
- Иванов, Н.А. 1993 (отв. ред.). *Феномен восточного деспотизма: структура общества и власти*. М.: Наука.
- Ивлиев, А.Л. 1986. *Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований)*: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.
- Ивлиев, А.Л. 1988. Кидани и население Восточной Маньчжурии и Приморья в средние века (к проблеме контактов). *Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века*. Отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: ДВНЦ АН СССР: 6—15.
- Ивлиев, А.Л. 1996. Письменные источники об истории Приморья середины I — начала II тысячелетия н.э. *Приморье в древности и средневековье*. Отв. ред. А.М. Кузнецов. Уссурийск: УГПИ: 34—39.
- Ивлиев, А.Л. 2005. Очерк истории Бохая. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье*. Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука: 449—475.
- Ивлиев, А.Л. 2006. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища. *Вестник ДВО РАН*, № 2: 109—113.

- Илюшечкин, В.П. 1986. *Сословно-классовое общество в истории Китая*. М.: Наука.
- Илюшечкин, В.П. 1990. *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах*. М.: Наука.
- История 2007: *История Железной империи*. Пер. и комм. Л.В. Тюрюминой. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.
- Карлов, В.В. 1980. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии. *Русский город*. Вып. 3. М.: 66—83.
- Ковалевски, С. 2000. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории. *Альтернативные пути к цивилизации*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев и др. М.: 171—185.
- Коллинз, Р. 2001. Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и агро-принудительных обществ. *Время мира*. Вып. 2. Новосибирск: 462—476.
- Коротаев, А.В. 1995. Горы и демократия. *Восток*, № 3: 18—26 (перепечатано в сб.: *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток, 1995).
- Коротаев, А.В., Малков, А.С., Халтурина, Д.А. 2007. *Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны*. 2-е изд. М.: Ком-Книга.
- Крадин, Н.Н. 1989. *Социальный строй народов Дальнего Востока СССР I тыс. н.э.* Препр. Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР.
- Крадин, Н.Н. 1996. Формы ранней государственности у народов Дальнего Востока. *Археология Северной Пасифики*. Отв. ред. И.С. Жушиховская, А.Л. Ивлиев, Н.Н. Крадин. Владивосток: Дальнаука: 40—47.
- Крадин, Н.Н. 2004. *Политическая антропология*. М.: Логос.
- Крадин, Н.Н. 2005. Тюркские руны и время образования бохайского государства. *Article of Old Choson, Koguryo, and Parhae*. Seoul: Kogurye Research Foundation: 623—632.
- Крадин, Н.Н. 2007. *Кочевники Евразии*. Алматы: Дайк-Пресс.
- Крадин, Н.Н. 2008. Проблемы периодизации исторических макропроцессов. *История и математика: Модели и теории*. Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: 166—200.
- Крадин, Н.Н. 2010. Вождества в первобытной археологии Приморья. *Приоткрывая завесу тысячелетий: К 80-летию Жанны Васильевны Андреевой*. Отв. ред. Н.А. Клюев, Ю.Е. Вострецов. Владивосток: Рея: 210—223.
- Крадин, Н.Н. 2013. Пути становления и эволюции ранней государственности на Дальнем Востоке. *Ранние формы потестарных систем*. Отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН: 65—86.
- Крадин, Н.Н. 2014. Средневековые государства на территории Дальнего Востока России. *Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008—2013*. М.: Наука: 268—288.
- Крадин, Н.Н., Ивлиев, А.Л. 2014. *История киданьской империи Ляо (907—1125)*. М.: Наука — Восточная литература.
- Крадин, Н.Н., Ивлиев, А.Л., Очир, А., Васютин, С.А., Данилов, С.В., Никитин, Ю.Г., Эрдэнэболд, Л. 2011. *Киданьский город Чинтолгой-балгас*. М.: Восточная литература РАН.
- Куббель, Л.Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Леньков, В.Д. 1993. Чёрная металлургия Бохая: К вопросу организации и технологии производства. *Россия и АТР*, № 1: 41—54.
- Лынша, В.А. 1995. Загадка Энгельса. *Альтернативные пути к ранней государственности*. Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лынша. Владивосток: 36—58.
- Малаявкин, А.Г. 1974. *Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв.* Новосибирск: Наука.

- Массон, В.М. 1989. *Первые цивилизации*. Л.: Наука.
- Материалы 1984: *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука.
- Нефедов, С.А. 2008. *Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока*. М.: Изд. дом «Территория будущего».
- Полутов, А.В. 2014. Государственный аппарат государства Бохай. *Известия Восточного института*, № 2: 16—27.
- Попова, И.Ф. 1999. *Политическая практика и идеология раннетанского Китая*. М.: Восточная литература.
- Розов, Г.М. 1998. *История Золотой империи*. Пер. Г.М. Розова, комм. А.Г. Малявкина. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН.
- Сахаров, А.М. 1959. *Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.* М.: МГУ.
- Сергушева, Е.А. 2018. Сельское хозяйство городского населения. *Города средневековых империй Дальнего Востока*. Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература: 251—280.
- Сунь Цзиньцзи. 2001. Древние народы Приморья и Приамурья в китайских письменных источниках. *Древняя и средневековая история Восточной Азии: К 1300-летию образования государства Бохая*. Мат. межд. конф. Отв. ред. А.Р. Артемьев. Владивосток: 52—63.
- Тихомиров, М.Н. 1946. *Древнерусские города*. М. (Учёные записки МГУ, Вып. 97).
- Турчин, П.В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: URSS.
- Хазанов, А.М. 1979. Классообразование: факторы и механизмы. *Исследования по общей этнографии*. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: 125—177.
- Хорев, В.А. 2012. *Ананьевское городище*. Владивосток: Дальнаука.
- Шавкунов, Э.В. 1968. *Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье*. Л.: Наука.
- Шавкунов, Э.В. 1990. *Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока*. М.: Наука.
- Шавкунов, Э.В. 1994 (отв. ред.). *Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России*. М.: Наука.
- Adams, R. McC. 1966. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago: Aldine.
- Barfield, T.J. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. 2nd ed. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Blanton, R.E., Fienman, G.M., Kowalewski, S.A. and Peregrine, P.N. 1996. A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization. *Current Anthropology*, no. 37 (1): 1—14, 73—86.
- Bondarenko, D.M. 2006. *Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th — 19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society*. Moscow: KomKniga.
- Bondarenko, D.M., Korotayev, A.V. 2003. "Early State" in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database. *Cross-Cultural Research. The Journal of Comparative Social Science*, no. 37 (1): 105—132.
- Brumfiel, E.M. 1991. Tribute and Commerce in Imperial Cities: The Case of Xaltocan, Mexico. In: Claessen, H.J.M., Van De Velde, P. (eds.). *Early State Economics*. New Brunswick and London: Transactions Publishers: 177—198.
- Brumfiel, E.M., Earle T. 1987. Specialization, Exchange, and Complex Societies: An Introduction. *Specialization, Exchange, and Complex Societies*. Ed. by E.M. Brumfiel and T. Earle. Cambridge etc.: 1—9.
- Carneiro, R. 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science*, no. 169 (3947): 733—738.
- Chacon, R., Mendoza, R. 2017 (eds.). *Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity*. New York: Springer.

- Chapman, R. 2003. *Archaeologies of Complexity*. London and New York: Routledge.
- Chapman, R. 2008. Alternative States. *Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies*. Ed. by J. Habu, C. Fawcett, and J.M. Matsunaga. New York: 144—165.
- Chase-Dunn, Chr., Hall, T. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO.: Westview Press.
- Chavannes, E. 1897. Voyageurs Chinois Chez les Khitans et les Joutchen. Part 1. *Journal Asiatique*, 9th series, vol. 9: 377—442.
- Childe, V.G. 1950. The Urban revolution. *Town Planning Review*, no. 21: 3—17.
- Chinggeltei. 2002. On the Problems of Reading Kitan Characters. *Acta Orientalia Hungaricae*, vol. 55, no. 1—3: 99—114.
- Claessen, H.J.M. 1986. Kingship in the Early State. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*, no. 142 (1): 113—129.
- Claessen, H.J.M. 2008. Before *The Early State* and After: An Introduction. *Social Evolution and History*, no. 7 (1): 4—19.
- Claessen, H.J.M., Hagesteijn, R., van de Velde, P. 2008. The Early State Today. *Social Evolution and History*, no. 7 (1): 245—265.
- Claessen, H.J.M., Skalnik, P. 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen, H.J.M., Skalnik, P. 1981 (eds.). *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Crumley, C. 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, and J.E. Levy. Washington, D.C.: 1—5.
- Crumley, C. 2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. *From leaders to rulers*. Ed. by J. Haas. New York: 19—36.
- Cunov, H. 1920. *Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie. Grundzüge der Marxschen Soziologie*. Bd. 1. Berlin: Buchhandlung Vorwärts.
- Earle, T. 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford (Cal.): Stanford University Press.
- Earle, T. 2002. *Bronze Age Economics: The Beginnings Political Economies*. Boulder: Westview Press.
- Ekhholm, K. 1977. External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems. *The Evolution of Social Systems*. Ed. by J. Friedman and M. Rowlands. London: 115—136.
- Engels, F. 1884 [1972]. *The Origin of the Family, Private Property and the State*. Ed. with an Introduction by E.B. Leacock. London: Lawrence and Wishart.
- Feinman, G. 1995. The Emergence of Inequality: A Focus on Strategies and Processes. *Foundations of Social Inequality*. Ed. by T.D. Price and G.M. Feinman. New York: 255—279.
- Feinman, G. 2001. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension. *From leaders to rulers*. Ed. by J. Haas. New York: 151—175.
- Feinman, G., Marcus, J. 1998 (eds.). *Archaic states*. Santa Fe: School of American Research.
- Flannery, K., Marcus J. 2012. *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Flannery, K.V. 1998. The Ground Pland of Archaic States. *Archaic states*. Ed. by G. Fienman and J. Marcus. Santa Fe: 15—57.
- Franke, H. 1975. Chinese Texts on the Jurchen, I: A Translation of the Jurchen Monograph in the San-Ch'ao Pei-Meng Hui-Pien. *Zentralasiatische Studien*, Vol. 9: 119—186.
- Franke, H. 1978. *Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115—1234)*. Orladen: Verlag für Sozialwissenschaften.

- Franke, H. 1990. The Forest Peoples of Manchuria: Kitans and Jurchens. *Cambridge History of Early Inner Asia*. Ed. by D. Sinor. Cambridge: Cambridge University Press.
- Franke, H. 1994. The Chin dynasty. *The Cambridge History of China. Vol. 6. Alien regimes and border states, 907–1368*. Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge: Cambridge University Press: 215–320.
- Fried, M. 1967. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.
- Gellner, E. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford: Basil Blackwell.
- Gellner, E. 1988. *Plough, Sword and Book. The Structure of Human History*. Chicago: University of Chicago Press.
- Godelier, M. 1969. La Notion de “Production Asiatique” et les Schemas Marxistes D’evolution des Societes. *Sur le Mode de Production Asiatique*. Ed. by R. Garaudy. Paris: 7–100.
- Grinin, L.E. 2008. Early State, Developed State, Mature State: the Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution and History*, vol. 7, no. 1: 67–81.
- Grinin, L.E. 2009. The Pathways of Politogenesis and Models of Early State Formation. *Social Evolution and History*, vol. 8, no. 1: 92–132.
- Gumpłowicz, L. 1905. *Grundriss der Soziologie*. Bd. 2. Aufl. Wien: Hof- Verlags- und Universitäts-Buchhandlung.
- Haas, J. 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. New York: Columbia University Press.
- Haas, J. 2001 (ed.). *From Leaders to Rulers*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Jagchid, S. 1981. The Kitans and their cities. *Central Asiatic Journal*, no. 25 (1–2): 70–88.
- Johnson, A.W., Earle T. 2000. *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford (Cal.): Stanford University Press.
- Kane, D. 2009. *The Kitan Language and Script*. Leiden: Brill.
- Kautsky, K. 1927. *Die Materialistische Geschichtsauffassung*. Bd. 1. *Natur und Gesellschaft*. Bd. 2. *Der Staat und die Entwicklung der Menschheit*. Berlin: Verlag J.H.W. Dietz.
- Kristiansen, K. 2012. Theory Does Not Die in Changes Direction. In: Bintliff, J., and Pearce, M. (eds.). *The Death of Archaeological Theory*. Oxford: Oxbow Books: 72–79.
- Lowie, R.H. 1927. *Origin of the State*. New York: Harcourt Brace.
- Maisels, Ch. 1999. *Early Civilizations of the Old World: The Formative Histories of Egypt, the Levant, Mesopotamia, India, and China*. New York: Routledge.
- Mann, M. 1986. *The Sources of Social Power*. Vol. I: *A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Marx, K. 1964. *Pre-Capitalist Economic Formations*. Introduction by E. Hobsbawm. London: Lawrence and Wishart.
- Morgan, L.H. 1877. *Ancient society*. Cleveland: World Publishing Company.
- Oppenheimer, F. 1919. *Der Staat*. Frankfurt am Main: Rütten & Loening.
- Pauketat, T. 2007. *Chieftoms and Others Archaeological Delusions*. New York etc.: AltaMira.
- Peregrine, P., Ember, C., Ember, M. 2007. Modeling State Origins Using Cross-Cultural Data. *Cross-Cultural Research*, no. 41 (1): 75–86.
- Price, D., Fienman G. 2010 (ed. by). *Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality*. New York etc.: Springer.
- Reckel, J. 1995. *Bohai. Geschichte und Kultur Eines Mandschurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Renfrew, C. 1972. *The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium B.C*. London: Methuen.
- Sáenz, C. 1991. Lords of the Waste: Predation, Pastoral Production and the Process of Stratification Among the Eastern Tuaregs. *Chieftoms, Power, Economy, and Ideology*. Ed. by T. Earle. Cambridge: 100–118.
- Service, E. 1975. *Origins of the State and Civilization*. New York: W.W. Norton and Co. Inc.

- Skalnik, P. 2009. Early State Concept in Anthropological Theory. *Social Evolution and History*, no. 8 (1): 5—24.
- Smith, A.T. 2003. *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley etc.: University of California Press.
- Smith, M. 2008. *Aztec City-state Capitals*. Gainesville: University Press of Florida.
- Smith, M. 2009. V. Gordon Childe and the Urban Revolution: a Historical Perspective on a Revolution in Urban Studies. *Town Planning Review*, no. 80: 3—29.
- Smith, M. 2011. Empirical Urban Theory for Archaeologists. *Journal of Archaeological Method and Theory*, no. 18: 167—192.
- Smith, Mo.L. 2014. The Archaeology of Urban Landscapes. *Annual Review of Anthropology*, no. 43: 307—323.
- Song Ki-ho. 1990. Current Trends in the Research of Palhae History. *Seoul Journal of Korean Studies* 3 (12): 4—20.
- Song Ki-ho. 1990a. Several Questions in Studies of the History of Palhae. *Korea Journal* 30 (6): 157—174.
- Song Ki-ho. 1999. The Dual Status of Parhae: Kingdom and Empire. *Seoul Journal of Korean Studies* 12 (11): 104—123.
- Tainter, J. 1988. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tao Jing-shen. 1976. *The Jurchen in the Twelfth-Century China. A Study in Sinicization*. Seattle and London: University of Washington Press.
- Thapar, R. 1981. The State as Empire. *The Study of the State*. Ed. by H.J.M. Claessen and P. Skalnik. The Hague: 409—426.
- Thiele, D. 1971. *Der Abschluss Eines Vertrages: Diplomatie Zwischen Sung und Chin Dynastie, 1117—1123*. Wiesbaden: Franz Steiner.
- Tökei, F. 1966. *Sur le 'mode de Production Asiatique*. Budapest: Akademiai kiado.
- Trigger, B. 2003. *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Turnwald, R. 1935. *Die Menschliche Gesellschaft in Ihren Ethno-Soziologischen Grundlagen*. Bd. 4: *Werden, Wandel und Gestaltung von Staat und Kultur im Lichte der Völkerforschung*. Berlin, Leipzig: Verlag Walter de Gruyter.
- Twitchett, D., Tietze, K.-P. 1994. The Liao. *The Cambridge History of China. Vol. 6. Alien regimes and border states, 907—1368*. Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge: Cambridge University Press: 43—153.
- Ucko, P., Dimbleby G., Tringham R., eds. 1970. *Man, Settlement and Urbanism*. London: Duckworth.
- Wittfogel, K.A. 1957. *Oriental Despotism*. New Haven: Yale University Press.
- Wittfogel, K.A., Feng, Chia-Sheng. 1949. *History of Chinese Society. Liao (907—1125)*. Philadelphia: Transactions of the American Philosophical Society, new series 36.
- Yoffee, N. 2005. *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ван Чэнли. 1984. *Бохай цзянь ши* [Краткая история Бохая]. Харбин (на кит. яз.). ЛШ 1958: *Ляо ши* [История династии Ляо]. Сост. Токто и др. Пекин: Бона (на кит. яз.).
- Цай Мэйбяо. 1964. Цидань-дэ було цзучжи хэ гоцзя-дэ чаньшэн [Племенная организация и образование государства у киданей]. *Лиши ньыцзю*, Т. 5—6: 165—194 (на кит. яз.).
- Цзинь Юйфу. 1982. *Бохай го чжи чанпянь* [Собрание сведений о государстве Бохай]. Т. 1—2. Чанчунь (на кит. яз.).
- ЦШ 1975: *Цзинь ши* [История династии Цзинь]. Т. 1—8. Сост. Токто и др. Пекин, 1975 (на кит. яз.).
- Чжан Чжэнмин. 1979. *Цидань шилюэ* [Очерк истории киданей]. Пекин (на кит. яз.).
- Чэнь Юнчжи. 2011. *Цидань ши жогань вэньти яньцзю* [Исследование некоторых вопросов истории киданей]. Пекин (на кит. яз.).